



НАСТОЯЩИЙ
САТАНИЗМ

АНДРЕЙ СТОЛЯРОВ
ТЕМНЫЕ НЕБЕСА

Главный враг человечества — само человечество.

Андрей Столяров

Темные небеса

«Снежный Ком»

2020

Столяров А. М.

Темные небеса / А. М. Столяров — «Снежный Ком», 2020

ISBN 978-5-6042584-8-4

Они пришли спасти Землю. Они пришли помочь человечеству. У них самые благие намерения. Однако именно благими намерениями вымощена дорога в ад. Встречай те новый роман мэтра отечественной фантастики Андрея Столярова!

ISBN 978-5-6042584-8-4

© Столяров А. М., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Столяров

Темные небеса

Часть 1

Самум

1

Это неумолимый круговорот, вырваться из которого невозможно. Утром мне звонит доктор Йонгер, он же по неофициальному именованию – доктор Менгеле, и своим взвизгивающим, как нож по стеклу, голосом напоминает, что послезавтра у меня – плановое обследование.

– Мы тут придумали кое-что новенькое, – хихикая, добавляет он. – Надеюсь, вам будет не скучно.

Доктор Йонгер нескрываемо торжествует. Вероятно, пакость, которую он для меня изобрел, приводит его в восторг. С некоторым злорадством я извещаю его, что, к сожалению, послезавтра никак не могу, через час отбываю на внеочередную сессию ДЕКОНа, которая, как уже согласовано, на этот раз состоится не в Лондоне, и не в Нью-Йорке, и не в Куала-Лумпуре, а в Москве.

– Разве вас не известили об этом? – деланно удивляюсь я.

Доктор Йонгер тут же вскипает, чувствуя себя мелкой сошкой, и заявляет, что тогда он поставит меня в график на следующий понедельник, с утра, попрошу не опаздывать, иначе я буду вынужден подать на вас официальную жалобу в тот же ДЕКОН!..

Голос его срывается в ультразвук. Я отключаюсь, оставляя доктора Йонгера захлебываться негодованием в одиночестве. Хотя должен признаться, что настроение он мне портит изрядно. Ежемесячное медобследование, которое доктор Йонгер проводит как наблюдающий врач, занимает у меня практически целый день, и еще два дня после этого я чувствую себя совершенно разбитым. Причем дело здесь, конечно, не в утомительной биохимии и томографии, не в анализах и различных замерах, которых просто не счесть, не во всякой затейливой, ультрасовременной аппаратуре, коей до потолка забит его кабинет, за эту часть обследования я совершенно спокоен. Выматываюсь я прежде всего от бесчисленных психологических тестов – их наш доктор Менгеле выдумывает с неистощимой фантазией. Трудность здесь в том, что суть каждого теста я «считываю» почти мгновенно, автоматически, в ноль секунд, чуть ли не раньше, чем мне успевают его предъявить, и приходится быть до предела внимательным, чтобы это не отразилось на соответствующих показателях.

Мы разыгрываем игру, похожую на войну. Доктор Йонгер пытается выявить у меня в психике какие-нибудь нечеловеческие характеристики, а я, в свою очередь, изображая интеллектуальный напряг, морща лоб, почесывая затылок, демонстрирую, что ничего особенного в моей психике нет: я думаю, чувствую, реагирую на уровне обычного человека, ну, может быть, чуточку лучше, поскольку я все же – профессор, доктор наук. Нудная и утомительная игра. Я ужасно боюсь расслабиться и случайно выдать нечто такое, что насторожит не только его, но и весь наш ДЕКОН. Цена этой игры – свобода. Если я проиграю, то со скрипом повернется в запоре громадный ключ и моя клетка, и так-то довольно тесная, захлопнется навсегда. К счастью, пока все более-менее в норме, ничего криминального, анализы, в общем, укладываются в обычный психофизиологический диапазон, но на каждом обследовании я явственно ощущаю, что доктор Йонгер не верит мне ни на грош. Он убежден, что экстрасенсорные аномалии у

меня в психике есть, и что под маской обычного, ничем не примечательного человека скрывается хищный и злобный инопланетный монстр, только и ждущий удобного случая, чтобы вцепиться кому-нибудь в горло. Он фанатично жаждет этого монстра разоблачить, заставить врасплох, выдать себя, и, ухватив за жабры, вытащить его под пронизывающий рентген спецслужб.

В общем, к черту, доктора Менгеле! Не выношу его узко заточенную, костистую морду с тех пор, как впервые – около года назад – узрел ее в пугающей белизне изолятора.

Ничего, проскочим и в этот раз...

Через час я окунаюсь в привычную шизофрению вокзала. У нее омертвляющий цвет, и она ложится на все пленкой мутного полиэтилена. Вчера, как передали в утренних новостях, террористы «Исламского народного фронта», который в прессе для краткости называют прежним именем «Аль-Хазгар», взорвали на мадридском вокзале пригородную электричку. Двадцать шесть обожженных испанских душ вознеслись к небесам. Эхо взрыва раскатилось по всему миру, армада праведников, поющих славу всевышнему, увеличилась тут же на целый взвод, и потому хвост к магнитным рамкам при входе в вокзал сегодня выглядит точно очередь на эшафот. Растянулась она метров на сто: скопище скорбных лиц с глазами, уставившимися в пустоту. Багаж, словно на таможне, перетряхивают у каждого третьего, каждого второго заворачивают вновь пройти сквозь рамку, которая непрерывно звенит. Погребальный звон этот отдается в ушах. Паранойя вездесущего терроризма резонирует здесь с паранойей служб безопасности и порождает страх, превращающий воздух в душный кисель.

Несколько легче становится только в «Сапсане». Казалось бы, должно быть наоборот: взрыв на скорости около двухсот километров в час взметнет поезд вверх как огненный фейерверк. Это противоречит здравому смыслу. Однако здравому смыслу противоречит весь наш нынешний мир, и потому я поудобней устраиваюсь у окна и некоторое время развлекаюсь тем, что пытаюсь вычислить, кто меня сегодня «сопровождает». В очереди к вокзальным рамкам вроде бы стоял парень, который, когда я обернулся назад, как-то слишком поспешно отвел деланно-скучающие глаза. Но в вагоне его, кажется, нет. Да и какая, собственно, разница: следят – не следят? Одно время ко мне пытались приставить демонстративное наблюдение, дежурили под видом охраны трое крепких ребят: Петр, Сергей и Хасан. У моей парадной, приткнувшись к поребрику, непрерывно стоял серый «форд». Выйдя из дома, я обязан был сообщить, куда направляюсь, или просто мог сесть рядом с водителем и вель себя отвезти. Как бы даже удобно, но через месяц я – просто взвыл. Тот, кто не жил под демонстративной наружкой, меня не поймет. Кончилось это тем, что я закатил совершенно безобразный скандал, обзвонил все начальствующие инстанции, включая ДЕКОН, написал резкие кляузы куда только мог, и в конце концов просто предъявил ультиматум: если так, то я вообще выхожу из игры, и действительно просидел, наглухо запершись в квартире, более четырех недель. Спускался лишь в продовольственный магазин. Ни медосмотры не посещал, ни в деконовских семинарах участия не принимал. Западные корреспонденты уже начали задавать вопросы: куда я исчез? Демонстративное наблюдение с меня сняли, но я на сто процентов уверен, что меня все равно тщательно и непрерывно «ведут». Просто делают это теперь значительно аккуратней. Даже после ухода арконцев я остался под подозрением. Я сейчас как чумной – сам вроде бы не болеющий, но несущий в себе черную смерть. Все мои знакомые, приятели и коллеги строго предупреждены: если заметят в моем поведении что-нибудь странное – немедленно сообщить. Это их гражданский и человеческий долг. Бог с ними, в конце концов, если им так спокойней, то – пусть...

Прерывает мои размышления короткий сигнал. Мне приходят на телефон подряд два письма. Первое – от Анжелы (вероятно, с работы), она пишет, что на завтра у них в отделе намечен небольшой сабантуй, не мог бы я с ними чуть-чуть посидеть? Ну хотя бы полчаса, ну пожалуйста, добавляет она, и я даже сквозь печатные буквы слышу ее умоляющий голос. Анжелу можно понять: подозрения подозрениями, а за последние месяцы ее социальный статус вырос стократ. У кого еще муж – сотрудник ДЕКОНа? Кто больше меня причастен к одной

из самых таинственных тайн? Кого принимал для приватной беседы сам президент? Часть моей «славы» ложится отблеском на нее, и, может быть, в административно-чиновных кругах конвертируется во что-то весомое. Нисколько не сомневаюсь, что так и есть. Отвечаю я ей, как и доктору Йонгеру, с некоторым злорадством: к сожалению, не смогу, завтра и послезавтра буду в Москве. Вызвали в ДЕКОН, извини. Впрочем, Анжелу это вряд ли смутит. Напротив, аура тайны, окружающая меня, в глазах ее сослуживцев лишь возрастет.

А второе письмо – от Лизетты и Павлика. Все в порядке, они прекрасно устроились в студенческом кампусе «На Холмах». Номера там квартирного типа: есть приличная кухонька, горячая вода, душ, интернет. Уже завтра они начинают занятия на подготовительных курсах, и надеются, что осенью переедут в Бельск насовсем. Главное – сдать вступительные экзамены. Ну – сдадим; как ни странно, конкурс в этом году небольшой. Постоянно по скайпу общаются с Машенькой, она ждет не дожидается, когда сможет приехать и посмотреть на звезды в самый «дальновидящий телескоп». Тебе от нее привет. К письму приложены фотографии: светлая, чистая улочка из новеньких двухэтажных домов, возле каждого – сонные тополя, цветники, асфальтовые дорожки. Солнце, прозрачные тени, дырчато-лиственная тишина. И на заднем плане, на самом высоком холме, тусклый, будто из матового серебра, ребристый купол обсерватории. В принципе эти фотографии должны были бы меня успокоить. Привычный, летний, поселковый пейзаж, располагающий к умиротворению и расслабленности. Но эффект от них оказывается прямо противоположный. Я ничего не могу с собой сделать. Я, будто галлюцинируя, вижу, как накатывается на поселок пыльная, взрывная волна, как летят, кувыркаясь в воздухе, крыши, балки, ограждения палисадников, как чернеет и расплавом стекает внутрь обсерватории дымное серебро, как все, что секунду назад сияло миром и счастьем, погружается в едкий радиоактивный туман.

Это мое проклятие.

Только мое.

И, похоже, я обречен нести его на себе всю жизнь.

С вокзала меня подхватывает черная «ауди». В Москве теплынь, дымка, водитель сидит в рубашке. Он мрачно извещает меня, что как только погода установилась, мэрия начала – уже в сотый раз! – ремонтировать исторический центр. Все разрыто, перемещаться по городу можно лишь на метро или пешком. И действительно, мы движемся со скоростью подыхающего жука. Носом мы упираемся в грязноватый фургон, на задних дверцах которого красно-желтыми буквами начертано «Мирта. Плодовоцтранс», слева нас поджимает двухрядный поток – протиснуться сквозь него не смог бы ни один пешеход, а справа, точно севшие на мель корабли, уткнулись друг в друга троллейбусы, покинутые пассажирами.

Время тоже – как будто прикипело к асфальту. Оно не движется, а стоит атмосферной, чуть вздрагивающей пеленой. Секундная стрелка на циферблате еле ползет.

Я нетерпеливо барабаню пальцами по коленям.

– Скоро, скоро уже, – успокаивает меня шофер. – Вот сейчас эти пройдут, и все.

Я немного отодвигаюсь влево и вижу, что вдалеке наш проспект пересекает длинная колонна автобусов. А по бокам ее прерывистой гусеницей ползут темно-зеленые бэтээры.

Так вот почему мы стоим.

– Нелегалов вывозят, – поясняет шофер. – Говорят, их в Москве уже полтора миллиона. По слухам, мобилизовали военные транспортники, набьют их, как кильку в консервы, и привет – лети в родные края... А что? Сколько ж можно? Слышали, наверное, что у нас тут прошлой осенью было? И, кстати, а как там у вас?

– У нас было гораздо спокойней.

– Ну, Питер, конечно, город культурный... А тут шли целыми штурмовыми колоннами, с палками, с заточками, стволы где-то достали... Слышали про стрельбу на Трубной?.. Целая

битва была, Таманскую дивизию вызвали, заблокировала район... Я сдуру выскочил было на улицу, гляжу – катится, значит, содом на гоморре: витрины бьют, двери в магазины выламывают, подожгли газетный киоск. Ну – я, конечно, назад. Дверь в парадную у нас, к счастью, железная. Прозвонил по всем этажам, собрал мужиков, которые в армии отслужили. Два часа потом просидели в подъезде, кто с монтировкой, кто топор взял, кто с молотком... Ничего, отстояли Москву... – Шофер чешет в затылке. – Да, наворотили делов уроды. – И уточняет: – Я этих... арконцев... имею в виду. Переворостили всю жизнь...

– Арконцы давно ушли, – говорю я.

Шофер неопределенно покачивает головой.

– Ну да... Ушли-то они, конечно, ушли, это верно, но, говорят, кое-кого после себя все же оставили...

– Пятую колонну?

– Во-во!.. С виду как человек, а внутри – неизвестно кто. Живут теперь на Земле, ждут своего часа... О, кажется, тронулись...

Шофер берет за руль.

Интересно, что бы с ним было, как бы отреагировал он, если бы знал, что я, по-видимому, как раз из тех, кого арконцы «оставили»? Только я ведь не жду своего часа. В случае апокалипсиса мои шансы выжить будут не больше, чем у всех остальных. Не хочется думать об этом, и потому я начинаю прикидывать, чем может встретить меня ДЕКОН? С одной стороны, понятно: завтра, о чем нам напомнили в новостях, исполнится первая годовщина Прибытия. Да-да, прошел ровно год с того дня, как посадочный модуль арконцев коснулся песков благословенной Аравии. Уже с утра все телеканалы показывают знаменитые кадры: замершая от собственной значимости делегация Генеральной Ассамблеи ООН, строй почетного караула в ослепительно белом обмундировании, серое небо, ряды пыльных пальм, синеватое марево арконского защитного поля, а за ним – колеблющийся, будто призрак, как в трясину, погружающийся в бархан, быстро темнеющий силуэт яйцеобразного модуля. И одновременно – хроника нынешнего состояния Центра: черной сажей прочерченные остовы Павильона и Научного корпуса, полузасыпанные песком казармы, задравший колеса, опрокинутый бронетранспортер. Все, что осталось после того, как международные силы, нанеся предварительно ракетный удар, вытеснили оттуда боевиков «Аль-Хазгар».

Кстати, и Лорд на днях дал громадное интервью «Санди таймс». Ну, Лорд есть Лорд, его задача – внушать аудитории доверие и оптимизм. И потому: «Величайшее событие в истории человечества, значение которого мы еще долго будем осознавать... Новое представление о Вселенной... Новое представление о науке... Новое представление человека о самом себе... Весь наш мир теперь, после Посещения, станет другим... Слова-то находит какие... Правда, я не уверен, что они хоть сколько-нибудь верно отражают нашу сегодняшнюю реальность. Конечно, обстановка на Земле постепенно нормализуется. Вон Китай и Соединенные Штаты отозвали свои эскадры из района островов Сенкаку (Дяюйдао): обе стороны согласились, что инцидент должен быть разрешен посредством переговоров. Или вон Европейский Совет обещает уже к концу года снять все временные ограничения на передвижение граждан внутри зоны ЕС. Или вон достигнуто соглашение о введении в ряд аравийских стран миротворческих контингентов ООН. Возможно, и этот костер удастся притушить. Напряжение, несомненно, спадает. Так что, может быть, и не окутает нас радиоактивный туман. Но в том-то и дело, что ничего, в сущности, не изменилось. Мир вовсе не стал другим, как пытается уверить нас Лорд, и мы сами, к сожалению, тоже не стали другими. Просто отбушевал тайфун, убрали мусор, обломки, которые он с собою принес, растащили завалы, и жизнь вернулась в свою обыденную, привычную колею. Вот что, например, изменилось в Москве? Ну разве что, как я вижу, все стены оклеены рекламой нового сериала. Название-то какое: «Чернее всех звезд». Это о том, как россияне героически отразили вторжение на Землю зловещих инопланетных пришельцев. Сам я ни

одной серии пока не смотрел, но говорят, что моя фигура там чуть ли не главная: оказывается, мое проникновение в арконский Купол в действительности являлось тщательно разработанной, секретной операцией ФСБ, которая, собственно, и спасла весь мир.

А если вернуться к нынешнему мероприятию, то я, в общем-то зная, что представляет собою Лорд, нюхом чую: дело тут не просто в знаменательной дате. Дело в том, что Контакт уже уходит как из фокуса внимания СМИ, так и из фокуса внимания глобальной геополитики. Его уже заслоняют другие проблемы, ну и как следствие – ошутимо мелеют источники финансирования. Авторитет ДЕКОНа снижается. Вот Лорд, вероятно, и решил несколько оживить картину. Скорее всего, подготовил к этой пресс-конференции некий сюрприз, некую информационную бомбу, которая взорвется в медийном пространстве огненными хвостами петард.

Мою догадку подтверждает и толпа журналистов, теснящихся перед оградой. Сомкнулись они аж в семь или восемь рядов, из которых высовываются марсианские треножки мониторов. Некоторые уже ведут прямую трансляцию: умение долго и энергично говорить ни о чем – главное качество современного репортажа. Шофер нервно гудит, полиция расчищает проход, ворота чуть раздвигаются, наша «ауди» аккуратно протискивается во внутренний гостиничный садик. Телекамеры, как загипнотизированные, поворачиваются вслед за ней, но сквозь тонированные стекла салона им вряд ли удастся что-нибудь разглядеть. Охранник, открывающий дверь машины, предупреждает: «Не оборачивайтесь», – но я и без того понимаю, что мне надо скромненько проскочить в вестибюль. По неформальному договору, который заключил со мною ДЕКОН, я не даю интервью и не участвую ни в каких телешоу. Да, если честно, мне это и самому ни к чему. Не хочу, чтобы моя физиономия мелькала на экранах ТВ. Еще, не дай бог, начнут узнавать на улицах, в магазинах, в метро, тарашиться, заводить муторные разговоры. Приторная каша известности, которой я в свое время наелся до тошноты.

2

В общем, продолжается тот же неумолимый круговорот. Один мах колеса – и мне звонит доктор Йонгер, другой мах – и я на поезде, разрывающем воздух, несусь сквозь весеннюю марь в Москву, третий мах – и оказываюсь в холле гостиницы, которую арендовал для нашей встречи ДЕКОН. И вот на этом третьем, последнем махе бесшумного колеса я окончательно убеждаюсь, что моя догадка, пожалуй, верна. Пресс-конференция по случаю годовщины Kontakta – это только формальный повод. Лорд и в самом деле подготовил сенсацию, которая должна потрясти весь мир. Я давно научился закрываться от чужих ощущений – они докатываются до моего сознания, как шорох чуть колышущейся под сквозняком кисеи. Но тут и не требуется экстрасенсорное восприятие. По оживленному снованию туда и сюда разных людей, по усиленному набору охранников, которых в холле человек пять или шесть, по атмосфере легкой паники, спешки, путаницы и суеты и так понятно, что происходит нечто неординарное. Меня плотненько подхватывают две офисные девицы и, не дав слова сказать, влекут в лифт, на второй этаж, и дальше – в зал, где кресла, как в учебной аудитории, вздымаются от пола до потолка. Заполнены пока лишь первые семь-восемь рядов, остальные пусты. Я вижу Сару, которая выделяется среди всех и цветом кожи, и впечатляющими габаритами. Она мне чуть заметно кивает. Ответить не успеваю. Меня без объяснений втискивают куда-то вперед, и тут же, словно этим был положен заключительный штрих, поднимается на кафедру Лорд, звякает в колокольчик и своим внушительным администраторским баритоном объявляет, что сегодня у нас не совсем обычное заседание.

– Получен, по заключению наших экспертов, чрезвычайно важный, значимый результат, который через два часа будет представлен на открытой пресс-конференции. Комментировать этот результат я пока не буду. Вам предлагается самим его оценить.

Поворачиваются полосы жалюзи на окнах, меркнут лампы под потолком, вспыхивает экран, занимающий центральную часть стены. Образующаяся картинка знакома мне до мельчайших подробностей. Это лужайка в яркой траве, раскинувшаяся над рекой, по скалистым отвесам на другой ее стороне низвергается водопад, плывет водяной туман, угадываются справа расплывчатые очертания леса, оттуда, с периферии зрения, выступает олень, как корону, несущий по бокам головы раскидистые рога, влажные глаза его полны любовной тоски, сбоку возникает рука – на раскрытой ладони лежит золотистая, поджаристая лепешка. Самого человека пока не видно, но рука женская, об этом можно судить по ее тонким чертам. Олень чуть вздрагивает, будто собирается отскочить, осторожно присматривается, переступает на грациозных ногах, но потом наклоняет голову и берет лепешку крупными, замшевыми губами. Длится этот ролик примерно тридцать секунд. Я поражен: текстура проработана так, что все кажется настоящим. Никаких «мультишных» эффектов. Никакой забутовки, где были бы заметны или подсознательно ощущались монтажные швы. Не зря, видимо, мы с Олегом Немитой горбатились целых три месяца, вылизывая по отдельности чуть ли не каждый кадр. Кстати, где сам Олег? В сумраке притихшего зала его не найти.

– Это первый источник, – дает пояснения Лорд. – Теперь давайте посмотрим второй визуал.

Снова вспыхивает экран. Картинка примерно та же, но показана в несколько ином ракурсе. Она как бы немного смещена вбок и вперед, и потому в поле зрения попадает теперь не просто рука, но почти весь человек. Силуэт его по краям немного двоится, но у меня нет сомнений, что это Дафна.

В сердце мне, будто от коньяка, ударяет головокружительный жар.

– Предупреждая вопросы, которые могут возникнуть, – говорит тем временем Лорд, – сразу же подчеркну, что оба источника работали независимо друг от друга. Это нами строго запротоколировано. Совпадение же обоих визуалов в деталях свидетельствует о том, что случайности в данном случае исключены. Кстати, у нас для этого есть и соответствующее математическое обоснование. Таким образом, мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что установлен факт межгалактической психогенной связи, носителем которой является земной человек. Нам пока неизвестна природа этого неожиданного феномена, мы пока не можем сформировать с Террой устойчивый двусторонний контакт, но, по крайней мере, ясно одно: совершен грандиозный прорыв, который будет иметь стратегические последствия. Давайте поздравим друг друга с первым успехом. Давайте поблагодарим наших талантливых операторов за их колоссальный труд.

Лорд величаво проводит над залом рукой. Зажигается свет, аплодисменты взметываются, как стая в тысячу голубей. Встает Олег Немита, сидевший, оказывается, во втором ряду, и поднимается в середине аудитории еще один человек, который мне незнаком.

– И, конечно, следует поблагодарить наших самоотверженных реципиентов. Их природные данные, их готовность работать неделями, месяцами, с утра до ночи, практически на износ сделали реальным этот прорыв.

Теперь приходится встать мне, а на противоположном конце зала поднимается Чак.

От оваций дрожат лампы на потолке.

Да, это, несомненно, победа. ДЕКОН под развевающимися знаменами гарцует на белом коне.

Звонят фанфары.

Симфония корпоративного торжества.

Честно признаюсь, я такого не ожидал. Мне еще минуту назад казалось, что те невнятные образы, которые мы с Олегом Немитой записывали на громоздкой, капризной, не внушающей доверия онейрологической аппаратуре, являются порождением исключительно моей психики – таким калейдоскопом желаемого, всплывающего из глубин подсознания. Ни к каким меж-

звездным коммуникациям это отношения не имеет. О параллельной онейрографике Чака мне ничего известно не было. Но если визуалы из независимых источников до такой степени совпадают, то Лорд прав: это действительно коммуникационный прорыв, мы, вероятно, не сразу конечно, но сможем установить прямую связь с Террой, и тогда все, и у нас, на Земле, и там, в звездной дали, будет выглядеть совершенно иначе. Возможно даже, что вероятность апокалипсиса резко снизится, и мы в очередной раз выберемся из тупика, в который загнали сами себя.

Во всяком случае, мне хочется в это верить.

Единственное, о чем я жалею сейчас, что не присутствует здесь Андрон Лавенков.

Вот кто был бы по-настоящему счастлив.

Андрон, Андрон...

Я до сих пор иногда вижу картину: болезненно вздрагивающий, с трудом отрывающийся от земли вертолет, хлопки выстрелов, крики, взрывы, раздающиеся по сторонам, груз навалившейся на меня Сары и оставшийся внизу человек, безнадежно распластанный, точно краб, подгребаящий под себя серый песок.

Врезалось в память.

Мне почему-то кажется, что в его гибели есть и моя доля вины.

А Лорд в это время, наверное, для того, чтобы окончательно закрепить в сознании присутствующих главный смысл презентации, нарочито будничным голосом говорит, что, по нашим данным, которые, разумеется, еще следует уточнить, сами арконцы такими психогенными способностями не обладают. Это эксклюзивная прерогатива Земли, и это тот уникальный ресурс, который вполне способен обеспечить человечеству особый межзвездный статус.

На этот раз аплодисменты слабее.

Информация слишком неожиданная и серьезная, всем нужно время, чтобы ее осознать.

Затем начинают проклевываться вопросы.

Хайма ван Брюгманс, которая несколько не изменилась – то же мятое, будто из теста вылепленное лицо, те же светлые, нелепые, как у девочки, тугие кудряшки, тот же брючный костюм, только уже не синего, а бордового цвета, – интересуется, скоро ли, по нашему мнению, будет установлен контакт с обеих сторон. Ведь без этого говорить о полноценной межзвездной связи нельзя. Лорд легкомысленно отвечает, что это дело ближайшего будущего. Сейчас разрабатывается программа, которая, как мы полагаем, позволит синхронизировать коммуникат. Результат, видимо, дело месяцев, а не лет. Давайте наберемся терпения и чуть-чуть подождем.

Далее физик-индонезиец спрашивает, насколько эффект нуль-связи воспроизводим.

– Вы же понимаете, – вежливо улыбается он, – что воспроизводимость – критерий научного знания. Иначе все будет выглядеть так, словно это наколдовал шаман.

Здесь Лорд чуть запинается, но все-таки отвечает, что воспроизводимость эффекта пока лишь частичная. Судя по всему, нуль-связь возникает, только если реципиент испытывает сильный эмоциональный инсайт. Внезапное потрясение. А этого не каждый раз удастся достичь.

– Я потому и сказал, что главное для нас – проблема синхронизации. Но я надеюсь, и основания для этого есть, что мы эту задачу решим.

А затем разговор сползает в привычную колею. Можно ли верить арконцам и состоится ли еще их визит? Что им в действительности было нужно от нас? Какова – в культурологической перспективе – судьба всех тех, кто переселился на Терру: останутся ли они землянами, сохранив наши базисные черты, или создадут принципиально иную, уже нечеловеческую цивилизацию? Ну и так далее и тому подобное. Все это перемальвалось в дискуссиях на семинарах ДЕКОНа бесчисленное количество раз. Неизбежно всплывает вопрос и о так называемой операции «Бонобо». В западных СМИ это сейчас тема номер один. Я тоже мельком просматривал в новостях подобные материалы. У меня они доверия не вызывают: загадочная гибель одного из бывших сотрудников администрации президента Соединенных Штатов... его записки, которые

он незадолго до смерти передал некоему журналисту... разоблачение инцидента с заложниками как секретной операции спецслужб трех великих держав... опровержение «конспирологических измышлений»... опровержение опровержений... Не знаю. Мне кажется, что это очередной мыльный пузырь, из тех, что надуваются вокруг актуальной тематики каждые несколько дней. Я совершенно согласен с Лордом, который укоризненно замечает, что обсуждение дешевых сенсаций не входит в задачу нашего нынешнего собрания.

– Давайте оставим это для пресс-конференции, для журналистов, и поговорим о более серьезных вещах...

О серьезных вещах я слушать уже не могу и минут через двадцать осторожно выскальзываю за дверь. Спустя мгновение появляется Чак. Мы, не сговариваясь, поднимаемся на четырнадцатый этаж и устраиваемся в кафе, где кроме нас нет никого. Из окна открывается вид на проспект, по которому медленно, как мигрирующие муравьи, с явной натугой ползет плотный автомобильный поток.

– Ну и что? – спрашивает Чак.

– Да ничего, – отвечаю я и пожимаю плечами.

Настроение у меня приподнятое, но сумбурное, и, судя по тому, как нервно выглядит Чак, у него состояние несколько не лучше.

– Ты веришь, что это действительно связь?

– Похоже на то, если только мы себя не обманываем.

– Ну, дай бог, если так...

И Чак, слегка путаясь от волнения, говорит, что у него при контакте с Ай Динь вообще никакой внятной картинки не возникало. Это не было визуалом в его подлинном смысле. Скорей – набор ощущений, в котором всплывали отдельные зрительные детали. И он, Чак, просто не понимает, как Саймус Тилд, это второй оператор, кстати, прежде работавший в АНБ, сумел собрать их в осмысленный и внятный сюжет.

– Но сам контакт был?

– Что-то такое... очень неопределенное... Вот рука с хлебом, она точно была, и реку, по моему, я тоже видел... А чтобы все вместе...

Он дергает темной щекой.

– Полагаешь, фальсификат?

– Ну, заявлять публично я бы об этом не стал... Однако немного откорректировать мои скриншоты по твоему материалу – вполне могли. Здесь подтянуть, там добавить, в третьем месте слегка, совсем чуть-чуть, уточнить... И знаешь, что хуже всего? А то, что, просмотрев визуал в собранной форме, я теперь верю, что видел все именно так. Хоть через полиграф меня пропускай. А у тебя, как я понимаю, сомнений нет?

Я отвечаю ему, что, разумеется, сомнения были и у меня. Но вот сегодня, посмотрев оба чистовых визуала, не знаю, быть может, операторы их и в самом деле отредактировали, я вдруг – вопреки всем сомнениям – ощутил, что во время этих сеансов действительно иногда вижу Дафну. Точнее – вижу эпизоды жизни на Терре ее глазами. И вряд ли это можно объяснить обычным самовнушением, когда человек видит именно то, что страстно жаждет увидеть. Ведь что такое спонтанная аутогенезия? Это рекомбинация уже известных, заведомо знакомых реципиенту явлений. Подсознание лишь увязывает их между собой. А в моих, достаточно длительных визуалах, коих, между прочим, скопилось уже восемь штук, наличествуют подробности, которых в земной жизни нет. Я просто не смог бы их самостоятельно вообразить. В качестве примера я привожу схватку с карликовыми волками, выловленную из моего «транцензуса» примерно месяц назад. Это были именно волки, только размером с лису, и не серые, как следовало бы ожидать, а почему-то синевато-зеленоватые. Кстати, и уши у них были тоже не волчьи. Мне бы такое в голову не пришло. Хотя доказать, что это был подлинный нуль-контакт, я тоже,

разумеется, не могу. Лорд, скорее всего, прав: нужный сигнал проходит лишь на фоне экстремальных эмоций, а поскольку подобные ситуации в жизни терран складываются, по большей части спонтанно, то и связь устанавливается спонтанно, когда ее вовсе не ждешь. И я, разумеется, не могу поручиться, что Дафна на Терре тоже чувствует этот контакт, не могу поручиться, что она, в свою очередь, хоть как-то воспринимает меня.

Я хочу успокоить Чака и потому свою уверенность слегка акцентирую. Смещаю действительное к желаемому, чтобы оно выглядело правдоподобнее.

Чак это, видимо, понимает и вдруг хитро прищуривается:

– Слушай, а правда – дошел до нас такой слух, – что доктор Менгеле предложил руководству новый гениальный проект? Якобы осенило его. Чтобы, значит, несколько сотрудниц ДЕКОНа, добровольно конечно, вступили с тобой в сексуальные отношения? Не образуется ли при этом между вами нуль-связь? Это действительно так? Интересно, а право выбора таких сотрудниц тебе дадут? Ну – завидую. Очень, очень перспективный эксперимент...

– Можешь поставить этот эксперимент на себе, – в тон ему отвечаю я. – Ты ведь женишься, да? До нас тоже доходят кое-какие слухи. Вот и напишешь потом подробный отчет. Можешь подать его непосредственно доктору Менгеле. Так сказать, в виде личной инициативы.

– Да ладно, – говорит Чак. И неожиданно хрустит пальцами, как будто хочет их отломать. На меланиновой коже, на косточках проступают желтые пятна. Белки глаз на темном, скуластом лице ярко блестят. – Я вот чего боюсь по-настоящему, – шепотом признается он. – А вдруг пророчество, которое содержится в Книге книг, лишь эхо, лишь отражение каких-то древних, но вполне реальных событий? Вдруг это все у нас уже было? Арконцы тут ни при чем. Они – не причина, они – ее формальное проявление. Они лишь посланники, герольды Судного дня. Они лишь огласили тот приговор, который ни смягчению, ни обжалованию не подлежит. Вот – плаха, вот – топор, вот – палач. Нам даже барахтаться не имеет смысла. Нам остается только лечь, закрыть глаза, замереть и ждать.

Я отвечаю:

– Приговор они все-таки не оглашали. О приговоре совершенно точно знают лишь два человека, – показываю пальцем на него, потом на себя. – Возможно, еще Лорд догадывается, и все. И не забывай, пожалуйста, важный аспект. Этот приговор в действительности вынесли не они. Этот приговор мы вынесли сами себе. И теперь сами же будем приводить его в исполнение. Мы – и палач, и жертва одновременно. И даже – зрители, которые пришли поглазеть на казнь. К тому же какое-то время у нас, видимо, еще есть. Погляди на небо – оно пока не сворачивается, как свиток...

– Но это может случиться когда-угодно.

– Да, может, – киваю я.

Вот так мы с Чаком поговорили.

Совершило очередной оборот чертово колесо. Горизонт Судного дня стал на миг ближе.

Это, так сказать, вводная часть.

А теперь позвольте представиться: Илья Коврин, русский, петербуржец, сорока двух лет, доктор наук, последние годы занимался культурологией. Теперь же – прихотливой волей судьбы – сотрудник ДЕКОНа, то есть Департамента ООН по контактам с внеземными цивилизациями.

3

Первое, что я хоть как-то осознаю, это столб черного дыма, медленно, гигантским шурупом вывинчивающийся из земли. У него даже шляпка имеется – рыхлая, загибающаяся по краям, как у трухлявой поганки. Причем я это не вижу, а именно осознаю: зрение и сознание у меня странным образом разъединены. Они существуют отдельно, мне их не совместить.

Однако через мгновение я все же догадываюсь, что это горит вертолет. Он лежит на боку, точно полураздавленное насекомое, внутренности его вывалились наружу, а из разлохмаченной металлом дыры как раз и вывинчивается этот дымный шуруп. Одновременно я замечаю второй вертолет, наклонивший акулий нос и, видимо, готовящийся к посадке. Но прежде чем он успевает коснуться земли, из открытой двери его высовывается труба, окольцованная двумя стяжками, выскакивает оттуда пенная струя выстрела, и легкое двухэтажное здание офицерского клуба вспучивается изнутри ярким огнем.

Все это похоже на кадры американского боевика. С одной лишь разницей – здесь напрочь отсутствует звук. Ни один шорох не рождается из пламени, дыма и содроганий. Я отчаянно трясую головой, и вдруг до меня доходит, что сам я, оказываюсь, сижу на земле, привалившись спиной к какому-то резко давящему на лопатки углу, обе ладони мои тоже упираются во что-то колющее, по правой от локтя до запястья стекает грязная кровь, а левая нога вывернута так, что вот-вот лопнут натянутые сухожилия. Я ее осторожно сгибаю, это больно, зато похоже, что зрение и сознание у меня все-таки слегка совмещаются: я понимаю, что разнобойная груда досок, вздыбившаяся неподалеку, это то, что осталось от нашего Павильона, действительно – вон лежит дверь, почти целая, блестит медью петель, выдернутых из пазов. А вон торчат ножки перевернутого стола, за которым мы сидели на переговорах. Вероятно, ракета, выпущенная из первого вертолета, угодила точнехонько в галерею между Павильоном и Куполом. Конец галереи, поблескивают вокруг осколки стекла. Виллем как раз, за пару минут до этого, прошествовал по ней внутрь, устроился, как обычно, напротив нас, пощелкал ногтем по микрофону, давая понять, что к работе готов. Позже эту последовательность событий восстановили во всех подробностях. Я же, помимо щелканья, смутно почувствовал некий нарастающий гул, повернул к окну голову, узрел пару транспортных вертолетов, снижающихся над Центром. Двое или трое солдат уже махали флажками, указывая им куда сесть. Совершенно обычная, не вызывающая тревоги картина. И вдруг – точно выдернули из головы один цветной слайд и мгновенно заменили другим: дым, огонь, разрушения, земля, усыпанная обломками. Удивительно, что я уцелел. Боже мой, а сам Виллем, а Дафна, а Чак и Ай Динь?..

Опять-таки позже, после допроса пленных, выяснилось, что террористы действительно целились в соединительную галерею. Они таким образом хотели отрезать Виллему путь под Купол. Павильон же, в связи с особенностями местного климата, собран был из легких древесных пород, он при взрыве не рухнул, а лишь опрокинулся и сложился, к счастью, все-таки приняв на себя часть ударной волны. Дафна отделалась небольшими ушибами, как впрочем и Чак, сидевший рядом со мной. Из техников тоже почти никто серьезно не пострадал. И совершенно не пострадала Ай Динь – несколько мелких царапин, и все. Конечно, я еще ничего об этом не знаю. Я пока не в состоянии разобраться, что тут произошло. Вместе с тем мысль о Дафне заставляет меня подняться на ноги. Это не просто: при каждом движении внутри у меня что-то как будто рвется, отдавая вспышками боли. Соображать тем не менее я начинаю гораздо лучше. Я отчетливо вижу, что второй вертолет уже приземлился неподалеку от первого, и из него, как двуногие тараканы, выскакивают и бегут ко мне люди в черных комбинезонах. На головах у них балаклавы – матерчатые, со страшными дырками для рта, ушей, носа и глаз, каждый движется какими-то неестественными рывками и каждый (меня точно бьет током) держит в руках автомат. До них метров тридцать – сорок, не больше. Передний вдруг сдергивает балаклаву с лица, и я с ужасом узнаю в нем Юсефа – откуда он здесь? Юсеф отчаянно машет мне свободной рукой...

Недели через две, когда Юсеф уже давно будет мертв, а я сам, словно новорожденный, очнусь в арконской реанимации и начну кадр за кадром прокручивать в голове данный сюжет, то внезапно пойму: он мне командовал, чтоб я лег – пытался меня спасти, не хотел убивать. Но в данный момент я, разумеется, ничего этого не понимаю. Тем более что периферийным зрением вдруг замечаю Виллема: похожая на подростка, осыпанная мучной пылью фигура, ощупывая

воздух вокруг себя, неуверенно, спотыкаясь, бредет по направлению к Куполу. Только, если уж точно, не к Куполу, а по касательной к краю его. (Сам Виллем мне потом объяснит, что от удара утратил ориентацию, вообще – как бы ослеп.) И вся она, то есть фигура, такая слабая, беззащитная, такая потерянная – мыслящий тростник среди бушующего огня – и уже ясно, что внутрь Купола Виллему по этой траектории не попасть, он пройдет мимо – в смертельную песчаную пустоту.

Каким-то странным образом я оказываюсь рядом с ним, хватаю за плечи, разворачиваю лицом к защитному полю – вдоль силовых линий его струится и оседает дым. Мне даже в голову не приходит, что человек впервые физически прикоснулся к арконцу. Ни одной мысли у меня в сознании нет. Я сделан из чистой боли. У меня вместо мозга – крошечный нейронный распад. Кружится пепел, воздух вокруг пузырится, как в каше, взметывается и кипит. И опять-таки я, конечно, еще не знаю, что террористы, принадлежащие все к тем же бригадам смертников «Аль-Хазгар», получили приказ захватить Виллема живым или мертвым, в первом случае как заложника, а во втором – просто убить. Убить – чтобы разорвать навсегда связь Аркона с Землей. Ничего из этого я не знаю. Я как зомби: не знаю вообще ничего. Я даже не понимаю, почему вдруг получаю в спину два сильных толчка и почему у меня так резко слабеют и, будто резиновые, подгибаются ноги. Мне кажется, что я – это уже не я, а кто-то другой. Мое существование завершено. Я, как глыба, рухнувшая с небес, обваливаюсь на Виллема со спины, сминая его, уходит земля из-под ног, накатывается грохочущая волна, и мы оба, словно призраки в преисподнюю, проваливаемся куда-то во тьму...

4

День этот с самого начала летит кувырком. Ровно в восемь утра Марина Тэн, наш уникал-полиглот, объявляет по громкой связи, что, согласно прогнозу метеорологов, на Центр движется песчаная буря, самум. Предполагается, что начнется она около девяти часов, достигнет максимума к десяти и продлится примерно до одиннадцати – одиннадцати тридцати. Никакой опасности нет, бодрым голосом заверяет слушателей Марина, принимаются все необходимые меры, однако в этот период выход из помещений категорически запрещен. Повторяю: выход из жилых корпусов категорически запрещен. Соответственно, плановый раунд переговоров, назначенный на десять утра, отменяется. О дальнейших изменениях в распорядке дня мы вас известим. Следите за информацией.

Данный текст Марина повторяет аж девять раз – на девяти официальных языках, принятых в Центре. Я, как всегда, испытываю при этом приступ острого раздражения. Чертова политкорректность, достаточно было бы одного английского! Тем более что экстренную связь в помещениях отключить нельзя – приходится вот так почти каждый день выслушивать и совершенно излишний русский (у Марины здесь слабенький, но очень забавный акцент), и французский, который сливается для меня в сплошные сьер-сьюр-бьен, и немецкий, набитый костяными согласными, и китайский, и испанский, и арабский, и итальянский, и даже хинди (который, как мне объяснила та же Марина, на разговорном уровне практически не отличим от урду). Одно время пытались включить в список также банту и суахили, но единственная этническая африканка среди сотрудников Центра, то есть Дафна Делиб, ко всеобщему облегчению заявила, что не понимает ни того, ни другого.

В общем, на итальянском я уже запираю свой номер, спускаюсь на первый этаж, где у нас находится ресторан, делаю перед дверями его глубокий вдох и, придав лицу выражение отчужденной задумчивости, вхожу внутрь.

Этот психотерапевтический ритуал: вдох – выдох, отчуждение на лице – я исполняю теперь всякий раз, когда мне нужно куда-то идти. После того как три дня назад внезапно арестовали связистов с переговорного пункта (двое – арабы; третий, если не ошибаюсь, бербер),

а затем, в тот же день, во второй половине его, пропал Юсеф, исчез, черт, бесследно, будто провалился в песок, отношение к нашей группе настороженное. Не то чтобы нас всех скопом подозревают, хотя исключить такое, разумеется, тоже нельзя, но уже третий день я чувствую на себе осторожные взгляды, улавливаю сдержанность в разговорах, слышу, возможно преувеличивая, быстрый шепоток за спиной. На нас словно появилось клеймо – выжженное тавро позора, которое ни смыть, ни стереть, ни скрыть: просвечивает сквозь любую одежду.

Впрочем, сегодня, как я сразу же понимаю, оно гораздо бледнее. Все заслонил накаты-вающийся из пустыни самум. Наружные окна столовой уже прикрыты щитами, зажжен электрический свет, сочащийся неестественной желтизной. Голоса в нем сливаются в один неразборчивый гул. Но, продвигаясь с подносом вдоль длинной стойки раздачи, я с удивлением обнаруживаю, что обсуждается вовсе не внезапный песчаный шторм. Оказывается, я кое-что важное пропустил. Еще вечером, где-то около двадцати трех часов, лидер Народного исламского фронта «Аль-Хазгар», который две недели назад совершил в королевстве государственный переворот, объявил, что Аравия теперь уже не Дар аль-ислам, Мир ислама, где царит по воле Аллаха благоденствие и покой, а – Дар аль-харб, территория войны, которая продолжаться будет до тех пор, пока со священной земли мусульман не будет изгнан последний кафир. И это, как выясняется, не просто слова. Оказывается, ночью (передавали в шестичасовых новостях) Фронт «Аль-Хазгар» внезапным ударом захватил Напалёб, расположенный всего в пятидесяти километрах от нас.

– А что такое пятьдесят километров? – говорит соседу справа от меня Олле Крамер, лингвист. – Танкам два часа ходу – даже при том, что прямой дороги здесь нет. Не забывай, на их стороне почти вся армия, а Штаты, долбаные, поставляли туда вооружение много лет. Танков у них больше тысячи, триста самолетов, приличный флот, двести тысяч человек только в регулярных войсках...

– Но у нас же тут – контингент ООН...

– Четыре тысячи, включая обслуживающий персонал. И потом, когда это войска ООН могли кого-нибудь защитить? Вспомни резню в Руанде, кошмар, или Балканские войны, тоже резня, или это несчастное Сомали... Ну, были там миротворческие части ООН – и что? А на внешнем периметре у нас кто стоит – саудовский батальон.

– Они теперь – тоже «Хазгар»?

– Вот этого не знает никто...

Они отходят, не замечая меня, а я неожиданно вспоминаю, как кричал Юсеф (кажется, месяц назад): «Что делали крестоносцы, когда они вторглись на Ближний Восток?.. Что они сделали, когда захватили Иерусалим?.. За три дня они вырезали более тридцати тысяч мусульман. Убивали всех сарацин – так они нас называли – мужчин, женщин, детей!.. Раймонд Ажилский, европеец кстати, прованский хронист, писал, что на улицах и площадях можно было видеть кучи отрубленных рук, ног, голов, всадники передвигались в крови, доходившей их коням до колен, убитых было так много, что крестоносцы не знали, куда их девать!.. А когда спустя пять месяцев – заметь, почти полгода прошло – Фульхерий Шартрский, опять-таки европеец, христианин, прибыл в Иерусалим праздновать Рождество, его потрясло зловоние от гниющих трупов, все еще лежавших без погребения!.. Вот что значит цивилизационное превосходство – это когда истребляют и покоряют тех, кто слабей!.. Почему ты думаешь, что арконцы поступят с нами иначе?.. Может быть, убивать они и не будут, но они нас сомнут, как танки траву. От нас не останется ничего!.. Мы станем как мусульмане под владычеством христиан!.. Нам нельзя будет поднять голову!.. Нам нельзя будет говорить то, что думаешь, вслух!.. Нам нельзя будет совершать заповедованный Аллахом намаз»!

Да, примерно месяц назад. Поздний вечер, площадка перед баром «Аркон», бараки складов, колючая проволока периметра, галогенные хищные лапы прожекторов, тщательно ощупывающих пустыню.

Меня нетерпеливо постукивают по плечу:

– Заснул?

Это Пламен Дончев, попросту Пламик, в дурацкой своей гавайской рубашке и адидасовских шортах чуть выше колен. Тощий, жилистый, нервный, всклокоченный по обыкновению, как воронье гнездо.

– Слышал? – быстрым шепотом говорит он. – Сразу после самума здесь высадится американский десант. Морские пехотинцы – это тебе не хрен. Сменят у нас на периметре саудовские войска.

– Ну да, – отвечаю я. – Вот подойдет армия Венка и отбросит большевиков.

Пламик делает большие глаза.

– Не понял, – удивляется он.

Я коротко рассказываю ему, как в конце апреля тысяча девятьсот сорок пятого года Гитлер метался по бункеру в подвале рейхсканцелярии и кричал: «Где Венк?.. Куда пропал Венк?.. Когда наконец подойдет армия Венка?..» Генерал Вальтер Венк должен был ударить по советским армиям с тыла, спасти Берлин.

– И что?

– А то, что Венк к тому времени уже был разбит. «Последняя надежда фюрера» развеялась как мираж.

Пламик хмыкает:

– Да... не знал... А у нас тут, ты прав, действительно... похоже на бункер. Вот, кстати, и фюрер тебя зовет.

Я уже и сам вижу, что от столика у стены, от панно, изображающего встречу землян с арконцами, меня величаво поманивает пальцами Лорд.

– Приветствую вас, Илия, – говорит он. – Минуточка для меня найдется? – И тут же, не дожидаясь ответа, поворачивает лицо несколько вбок. – Бэрримор, друг мой, я вдруг сообразил, что оставил вчера в конференц-зале папку номер четыре. Не могли бы вы ее принести? Номер четыре... Мне эти документы потребуются.

Питер Бэрмор, до этого равнодушно пережевывавший салат, поднимается и, ни слова не говоря, выходит из зала. Ни для кого не тайна, что он вовсе не секретарь, как сказано в списочном официальном листе, а исполняет при Лорде совсем иные функции. И подлинная фамилия его вовсе не Бэрмор, и звание у него – майор, как мне однажды намекнул Лавенков. А Бэрримор он у нас потому, что Лорд – это действительно лорд, и обращаться к нему следует «сэр Генри». Сам он вовсе не настаивает на этом, но не выговаривать же каждый раз «мистер Стемплтон-Нортгумберленд Седьмой», язык поломаешь, хотя по-английски это, конечно, короче.

– Садитесь, садитесь, – он помогает мне поставить поднос. – Что это у вас?

– Овсянка, сэр Генри, – не удержавшись, отвечаю я.

– Какая же это овсянка? Это бифштекс...

Лорд милостиво улыбается. Он ценит шутку. Он – само обаяние, что, в общем, понятно: обаяние сэра Генри – его основной капитал. И уже в который раз я поражаюсь этому удивительному феномену, его иначе как мистикой не объяснишь. Внешне Лорд – вылитый неандерталец: низкий лоб, мохнатые надбровные дуги, челюсть – толстым ковшом, чуть ли не в половину лица, фигура как шкаф, воплощенная звериная мощь: медведя сожмет – у того ребра треснут. Вместе с тем минуту с ним пообщаешься, и он уже – лучший твой друг. Фантастическая доброжелательность. Начинаешь ему доверять больше, чем самому себе. Впечатление чуть портит лишь чрезмерно крупный зубной оскал, из-за чего губы, вывернутые вперед, не прикрывают его до конца. И мне иногда – в минуту отрезвления – кажется, что этими своими зубами Лорд перегрыз не одного опасного конкурента. Закон бюрократических джунглей: не загрызешь ты – загрызут тебя. Успешность административной карьеры зависит прежде всего от умения загрызть каждого, кто заслоняет тебе путь наверх.

– Вот что я хочу вам сказать, Илия. Только что состоялось заседание нашего Комитета, и решено было в расписании переговоров ничего не менять. Несмотря на прискорбный... м-м-м... инцидент... ваша группа, как и намечено, проведет сегодняшний раунд. Пусть даже в неполном составе. Надеюсь, вы не будете возражать, Илия?

Он называет меня Илия, с ударением на последнем слоге, был такой жестокий ветхозаветный пророк. Тоже – своеобразный юмор. А под инцидентом он, конечно, подразумевает исчезновение Юсефа.

Я поражен этим неожиданным сообщением. Последние два дня ходили упорные слухи, что нашу группу в лучшем случае тихо расформируют, разбросают по другим экспертным сообществам, в худшем же – всех четверых отстранят от переговоров: мы ныне под подозрением, нас нельзя допускать в святая святых.

Лорд, впрочем, видя мое недоумение, поясняет, что нам просто исключительно повезло. Во-первых, треть членов Административного комитета из-за надвигающегося самума застряла в Аммане, кворума не собрать, неизвестно, когда они сюда доберутся. А во-вторых, из дежурной группы экспертов, которая могла бы нас заменить, выбыли сразу два человека: Гомар, этнопсихолог, утром неожиданно грохнулся в обморок, едва откачали, сейчас находится в медотсеке, а Ида Страймер, профессиональный переговорщик, в обморок, правда, не грохнулась, но засыпает каждые полчаса, отключается на две-три минуты, никакими силами ее не разбудить.

– И вообще, – говорит Лорд, – если мистер Халид внезапно исчез, то почему мы должны подозревать всех остальных? Вы ведь ничего не знали о его замыслах? Нет? Я так и думал. Вот, пожалуйста, и придерживайтесь этой версии.

– Это не версия, – отвечаю я. – Это именно так и есть.

– Значит, договорились...

Лорд чуть заметно кивает. И тут я чувствую, что мой мозг как бы обволакивает некий теплый туман, некая субстанция, почти не обладающая материальностью. Она без усилий проникает в мое сознание и пропитывает его, как вода рыхлую ткань. Продолжается это чуть больше секунды, но это, видимо, самая опасная секунда в моей жизни. Я как бы повисаю на тоненьком волоске, который натягивается, дрожит, и кажется, что вот-вот звонко лопнет. Мне, однако, везет: в беседу нашу внезапно вклинивается телефон и вырисовывается на экране его вопросительный знак. Я извиняюсь перед сэром Генри (лордом Стемплтон-Нортумберлендом Седьмым) и отправляю в ответ знак восклицательный. Тут же на экране всплывают – без слов – два вопроса. Я, в свою очередь, тоже отправляю вопрос и через мгновение получаю ответ: «три – ноль».

Это, разумеется, Дафна. Я сижу спиной к залу и поэтому не вижу ее. Но она, несомненно, заинтригована моей внезапной беседой с Лордом и, естественно, хочет знать, что он мне такого сказал. А условными значками мы обмениваемся потому, что внутренняя связь у нас в Центре совершенно официально фиксируется, вот и приходится изобретать «рыбий язык». На самом деле все очень просто. Вопросительный знак – Дафна предлагает увидеться. Мой восклицательный означает, что я согласен. Два вопросительных от нее – «когда?». Мой вопросительный – «назначь время сама». Цифры «три – ноль» означают – через тридцать минут.

Так мы общаемся.

Тайные руны, клинопись эпохи спецслужб.

Туман за это время рассеивается. Я облегченно вздыхаю и захопываю телефон.

– Очень вам благодарен, сэр Генри.

Лорд разводит руками:

– Напротив, это я благодарен вам, Илия. Я очень рад, что мы с вами сотрудничаем. Ведь нас так мало среди всех этих военных, чиновников, администраторов, среди всего этого *обслуживающего персонала*, тех, кто озабочен лишь формой, но даже не пытается разглядеть сквозь нее подлинный смысл. Не осознает очевидного: мы, люди, все человечество, держим сейчас

экзамен на зрелость, и от того, как мы этот экзамен сдадим, какую оценку получим, зависит наша судьба.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я опять, вопреки всем доводам разума, чувствую, что мои подозрения – полная чепуха. Бред, нелепость, фантомы воспаленного воображения. Лорд вовсе не пытался только что взять меня под контроль. Как такое вообще могло прийти мне в голову? Он совершенно искренне ко мне расположен, и я всегда могу рассчитывать на его поддержку.

Это же очевидно.

Я таю, как мороженое в горячей руке.

И тут Лорд наносит мне главный удар.

Он сыплет в кофе три ложечки сахара и замечает, дурашливо вздернув брови:

– Надеюсь, Илия, вы – не поклонник диеты? Диета – это проклятие, которое накладывает на нас благополучная жизнь. Мы только и делаем, что, как безумные, подсчитываем калории. Того нельзя, этого тоже нельзя. Здесь – губительные жиры, там – вредный холестерин. Мы превратились в рабов диетологических фирм. Раскрою вам страшный секрет: все диеты, все рекомендации по питанию – выдумки высокооплачиваемых врачей. Уж вы поверьте, я знаю, о чем говорю. Мне шестьдесят восемь лет, и я прекрасно себя чувствую без всяких диет. Лучшая диета, по моему личному опыту, это ежедневный, осмысленный, целенаправленный труд. Работа, мой друг, работа, работа – и вам не потребуется никаких диет. Но вы, вероятно, это и сами знаете, Илия. Вот, например, я вижу, что ваш англо-американский язык улучшается день ото дня.

– Здесь у меня хорошая практика, – говорю я, пожимая плечами.

– Конечно, практика – это все.

И вдруг до меня доходит, что Лорд на самом деле имеет в виду. Сердце у меня дает сбой, наткнувшись на невидимую преграду. К лицу подступает жар, и оно начинает пылать, словно я грубо соврал.

Хочется отсюда бежать, только некуда.

Спасает меня Бэрримор, который приносит папку и аккуратно кладет ее на свободный угол стола. После чего, ни слова не говоря, принимается за салат.

Сэр Генри смотрит на папку с явным недоумением.

Потом спохватывается:

– Спасибо, мой друг. Я так и думал, что забыл ее там. – Поднимает толстый указательный палец. – О, кажется, началось...

Гомон в ресторане стихает.

Буквально за две-три секунды воцаряется напряженная тишина.

И в тишине этой становится слышно злобноватое шипение ветра и вместе с ним какой-то странный скрежещущий звук – прерывистый, царапающий. Будто трется снаружи о ставни нетерпеливый, голодный, только что пробудившийся, многолапый песчаный зверь...

Дальше все тоже идет кувырком. Самум достигает максимума действительно около десяти часов. Теперь снаружи докатывается уже не шипение, а глухой яростный рев, и по щитам, закрывающим окна, не просто скрежещет, а лупит очередями мелких камней. Гостиница ощутимо подрагивает. Где-то далеко, еле слышно звякает вылетевшее стекло. Впрочем, Марина Тэн чуть ли каждые пятнадцать минут повторяет на тех же девяти языках, что причин для тревоги нет, здание построено с громадным запасом прочности. В случае каких-либо дефектов, вызванных ураганом, следует немедленно сообщить об этом в административную часть.

Я в это время нахожусь в номере Дафны. Мы сидим за столом, под большим, выше человеческого роста торшером, и, перебрасывая друг другу листочки, заполненные каракулями,

пытаемся найти выход из тупика, в который уперлись переговоры с арконцами. В принципе с нами должны были бы находиться еще Чак и Ай Динь, но насколько я понимаю, у них происходит сейчас точно такое же приватное собеседование.

Ну и пожалуйста.

Не слишком часто нам с Дафной удается остаться вдвоем.

Жаль только, что голова у меня совсем не работает. Я слишком взвинчен: по пути в номер меня перехватывает Андрон Лавенков и, вытащив на площадку черного хода, где камер наблюдения нет, устраивает нечто вроде истерики. Разумеется, без крика и размахивания руками, но шипящий, как песок за окном, голос Андрона свидетельствует, что внутри себя он кипит.

Беседа протекает у нас крайне сумбурно. Во-первых, Лавенков допытывается, что мне сказал Лорд, и я искренне отвечаю ему, что мы с сэром Генри разговаривали о диетах. Ну и о том, что наша группа, несмотря ни на что, все же проведет очередной раунд переговоров. Это чистая правда, ни капли лжи, но отнюдь не вся правда, как констатировали бы в американском суде. Андрон это сразу же чувствует. Чутье у него, как у голодной лисы. Он взбешен, но понимает, что сделать тут ничего нельзя. Если я не хочу чего-то сказать, то хоть тресни, все равно не скажу. Андрон в этом уже давно убедился. Он берет себя в руки и даже выдавливает, чтобы смягчить обстановку, нечто вроде улыбки. Так мог бы улыбаться пластмассовый манекен. После чего сообщает мне, что главная трудность здесь не в обмороках и не в самуме. Главная трудность здесь заключается в том, что, помимо Юсефа, исчезли еще двое экспертов: Кристофер Раст, аналитик, Соединенные Штаты, и Вальтер Швидке, специалист по информсистемам, Германия. Оба оставили записки, что уходят на Терру.

– На какую еще на Терру? – интересуюсь я.

Андрон смотрит на меня с подозрением. Он не может решить: прикидываюсь я или что?

– Ты тут чем занимаешься? Ты за ситуацией вообще следишь? Террой еще вчера решили назвать этот самый арконский форпост. Так вот, ночью оба они ушли под Купол...

– И защитное поле их пропустило?

– Видимо, да. Представляешь, какая паника сейчас в Комитете?

– Ах так...

Секунду мы оба молчим.

Слышно, как скрежещет песок за окном.

И в этом угнетающем скрежете я вдруг ясно осознаю, что все вокруг изменилось. Причем не тогда, когда в Солнечной системе обнаружился звездолет арконцев, и не тогда, когда их посадочный модуль коснулся Земли, а лишь сейчас, в данный миг. Все изменилось. И, как раньше, как секунду назад, не будет уже никогда.

Это странное ощущение. Будто я, в общем оставаясь собой, переместился в какую-то совершенно иную реальность. Все вроде бы то же самое и одновременно – совсем другое. Вот и Андрон сегодня – совсем другой. Не такой, как вчера, полуразобранный, вдрабадан, несущий маловразумительную ахинею то про арконцев, то про явление Иисуса Христа, а такой, каким я привык его видеть: в костюме, при галстуке, свеженький, аккуратный, причесанный, волосок к волоску, благоухающий приятным одеколоном, и все-таки, все-таки – совершенно другой. Отчуждающий холод наполняет его глаза. Брови чуть вздернуты, образуя вопросительные морщинки на лбу. Мы как будто два разных биологических существа. Насекомое и насекомоядное. Добыча и хищник. Если бы только знать, кто есть кто. Мне хочется его просканировать. Риск все же слишком велик. Да и ни к чему рисковать. Я и так догадываюсь, что он хочет у меня выяснить.

И Андрон говорит:

– Так вот, двое экспертов сегодня эмигрировали на Терру. Думаю, что это только начало. Так вот, скажи: ты не собираешься уйти вслед за ними?..

А с Дафной у нас этим утром ничего толкового не вырисовывается. Уже через час весь ее стол оказывается усеян листочками с головоломными терминами, кривоватыми схемами, графиками, небрежно набросанными картинками. Таков ее способ думать – непременно с карандашом в руках. Я к нему приспособился, поскольку с Дафной особенно не поспоришь. К тому же я чувствую, что она нервничает не меньше меня. Наконец отбрасывает карандаш и говорит, что никакие подозрения Лавенкова ее не волнуют.

– Можешь быть спокоен, он ни о чем не догадывается. Просто смутное подозрение, что в Центре происходит что-то не то. Но ведь конкретики у него явно нет. А вот Лорд – это да. Лорд – это серьезно. Ты уверен, что он пытался тебя сканировать?

Я еще раз, тщательно подбирая слова, описываю ощущения, которые испытал, когда мой мозг начал окутывать теплый туман.

– Да, похоже – сканировал, – задумчиво говорит Дафна. – Знаешь, нам надо бы научиться ставить защиту.

– Тогда любой сканнер нас точно вычислит, – возражаю я. – Защита будет сверкать, как стекла в солнечный день. Я же тебе об этом рассказывал. А тут... ну что Лорд смог понять из моих мутных эмоций? Кстати, ты очень вовремя бросила свою эсэмэску.

– Увидела, что надо тебя выручать... А Лорд, я думаю, все-таки что-то понял... Не случайно же он обратил внимание на твой английский язык.

– Англо-американский – так он выразился...

– Ладно, не перебивай! Между прочим, у Лорда есть устойчивая привычка – задавать самый важный вопрос в конце разговора. Я это не раз подмечала. Затем, наверное, чтобы застать оппонента врасплох. Но ты ведь и в самом деле стал говорить значительно лучше. Это всем очевидно. Это демонстративный факт. У тебя теперь встречаются такие неожиданные конструкции, которые одной разговорной практикой не объяснишь. Опять же словарный запас вырос раз этак в пять. Идиомы всякие появились. А если вдобавок выяснится, что ты начал понимать итальянский, немецкий...

– Французский чуть-чуть...

– Знаешь, я как раз хотела тебе сказать... Я вчера сидела в номере у Ай Динь, и кто-то ей позвонил. Разговаривали они, разумеется, по-китайски, но я неожиданно стала догадываться, о чем идет речь. Не понимать, а вот именно что догадываться, немного улавливать смысл. Вот тебе тоже – демонстративный факт... Сколько мы еще сможем держать это в тайне? Сколько мы еще сможем скрывать, что перестаем быть людьми? Или – что мы становимся какими-то другими людьми, биологически отличающимися от стандартной конфигурации хомо сапиенс? Рано или поздно, но нас непременно разоблачат. Да хоть сегодня промелькнет у кого-нибудь в голове такая мысль.

– Не надо драматизировать, – подумав, говорю я. – В конце концов данный феномен можно объяснить и коллективным инсайтом. Мы же тут все слегка сдвинутые: естественно, что у нас возникает психологический резонанс – мы как бы «накачиваем» друг друга сходными когнитивными состояниями. Что-то вроде сектантских радений, когда адепты после долгих и горячих молитв, вдруг начинают воочию видеть бога. Экзальтация затем прогорает, но ощущение... ощущение трансцензуса остается.

– Это несерьезно, – академическим тоном произносит Дафна. – Ты что, не знаешь людей, которые составляют наш Комитет? Ты на лица их посмотри. Расскажи им про экзальтацию, про трансцензус, про психологический резонанс... Можешь еще попробовать через метод «глубинного погружения» объяснить... Уверяю тебя, все это тут же будет квалифицировано как зомбирование. Мы в их глазах немедленно превратимся в инопланетных агентов, в кукол, запрограммированных арконцами против людей. Какой в этом случае будет наша судьба?

Голос у нее лекторский, монотонный, но мне за размеренными интонациями почему-то чудится крик.

– Ладно, давай работать...

Дафна, не глядя, тянется за карандашом. Пальцы не достают, она нетерпеливо барабанит ими, пытаясь его нащупать, и я вдруг вижу, как карандаш, будто притянутый магнитным полем, сам подползает к ней.

– Стой!

Она замирает.

– Дай-ка сюда!

Дафна, удивленная моим тоном, широко распахивает глаза, но беспрекословно отдает карандаш.

Я кладу его на прежнее место.

– Возьми еще раз!.. Нет-нет, не изгибайся, пожалуйста, не гляди на него!

– Мне не достать... Слишком далеко положил...

– Ты просто представь, что берешь... Закрой глаза!..

Дафна послушно зажмуривается.

И я вновь вижу, как карандаш подползает к кончикам ее пальцев, которые скребут по столу.

– Теперь – повторим!

В этот раз я снимаю все действие на телефон, а затем, перегнав ролик в компьютер, мы вместе, уже на экране, просматриваем его.

И вот тут Дафна пугается по-настоящему.

– О-о-о!.. – обхватив горло ладонями, стонет она. Словно плачет в саванне птица, оставшаяся в ночном одиночестве. – Я знала это... Я это знала... Я чувствовала... – Она вся дрожит. На щеках ее проступают пепельные, светлые пятна. – Что нам делать, Илья?.. Мы будем теперь как монстры... как мутанты среди нормальных людей... Ты понимаешь, Илья?.. Мы теперь просто обречены...

Я успокаиваю ее тем древним способом, который известен человечеству уже несколько тысяч лет. Это не столько любовь, сколько шаманский обряд, волхвование, магическое ритуальное действие, вырастающее из стремления жизни победить неотвратимую смерть. Ревет за стенами гостиницы жаркий ветер, шуршит и постукивает по ставням раскаленный песок, подрагивает широкий плафон торшера, а мы сквозь это неистовство и напор плывем в совершенно иную реальность, манящую спасением ото всего. До этой реальности, разумеется, не доплыть, но пока к ней плывешь, она действительно существует. Это уже не иллюзия, это конкретная данность, свет маяка, возвещающий, что за горизонтом – земля. Ритмика однообразных движений способствует релаксации. Затем Дафна по обыкновению несколько минут дремлет, а я лежу в щитовой скорлупе номера и под завывания урагана думаю, что она права. Мы с ней другие. И ничего странного в этом нет. Что до меня, то я, в сущности, всегда был другим. По крайней мере, так я себя ощущал. Как будто родился среди не тех людей, не в той стране, не в ту эпоху, не на той планете. И культурология, которой я занимаюсь, тоже свидетельствует об этом. Ведь что такое культурология? Это отстраненное изучение жизни, текущей мимо тебя. Превращение всех ее проявлений в символы, которыми можно оперировать безболезненно и легко. И между прочим, Дафна обмолвилась как-то, что тоже всегда ощущала себя другой. Поэтому мы с ней и стали так быстро близки. Сработал известный «психосоматический таксис»: на эту тему смотри монографию Микеле Сфортини и Кэтрин Армстронг. А вообще такие «другие», видимо, время от времени на Земле возникают. И вовсе не арконцы с какими-то зловещными целями их создают, арконцы только способствуют их проявлению, сами не подозревая о том. Ведь спонтанная, «земная» инаковость – это нечто вроде слабенькой искры, попавшей на сырые опилки. Она быстро гаснет, удушаемая потоком обыденности. Разжечь ее удастся лишь гениям, сгорающим потом на этом костре. А я не гений, уж в этом можно не сомневаться. Дафна меня явно переоценивает. Кстати, что-то долго она дремлет сегодня. Я поворачиваю к

ней голову, и в это время Дафна открывает глаза и ясным голосом, будто продолжая дискуссию, говорит:

– Лорд нас не выдаст. Потому что если он выдаст нас, он тем самым выдаст себя. А Лорд этого не захочет. – Она смотрит вверх, в потолок и продолжает, словно читая на нем невидимый текст: – Но, знаешь, я обязана поставить тебя в известность: сегодня ночью я вошла на сайт «Терры» и зарегистрировалась там на отъезд... Визу, то есть согласие меня принять, получила через десять минут.

Я не сразу понимаю, что она имеет в виду.

А когда понимаю, то приподнимаюсь на напряженных локтях.

– С ума сошла!

Мне кажется, что я проваливаюсь в пустоту.

– Нет, ты сначала послушай, – говорит Дафна. – Здесь, на Земле, нас все равно вычислят – это вопрос месяцев, недель, может быть, даже дней. Я сегодня прокололась на телекинезе, а на чем – совершенно случайно, конечно – проколешься ты? И главное – что за этим последует? Объясняю: за этим последует то, что нас обоих посадят в какой-нибудь там вивариум, в спецлабораторию, в изолированный медицинский центр со всякого рода принудительными исследованиями. Будут мучить, как ежей, помнишь, ты недавно рассказывал: был у вас в школе странный такой «живой уголок». И объяснять это будут исключительно заботой о безопасности человечества... – Она делает паузу примерно на пять секунд. Проводит розовым языком по губам. – Но дело даже не в этом... Я говорила тебе, сколько осталось от народа икомо?

– Да, примерно сто пятьдесят человек.

– А ведь нас было более двадцати тысяч... Всех убили, теперь сто пятьдесят человек живут микроскопическими общинами в странах, которым они не нужны. Дети языка икомо уже почти не знают. А дети этих детей вероятно, даже не вспомнят, что был когда-то такой народ.

– При чем здесь Терра?

– На Терре я выйду замуж и рожу десять детей. И прослежу, чтобы все они знали родной язык. И дети моих детей тоже будут разговаривать на языке икомо. И тоже будут иметь по десять детей. Можешь считать меня ненормальной, но в наших мифах существует одно пророчество, восходящее к эпохе космогонического первобытия: явится в конце лет земных великий дух Чамба Иком и уведет своих детей на небо, дорогой сияющих звезд. И обретут они там хлеб, воду и мир. И будут жить счастливо во веки веков.

– Аминь, – добавляю я и падаю обратно – в постель.

Скрежет за окном вроде бы становится глуше.

Дафна между тем говорит:

– Мне вообще кажется, что наши дни уже сочтены. Время Земли исчерпано, это – печальный закат. Посмотри, что вокруг происходит: мы, будто одержимые первобытным неистовством, уничтожаем сами себя. Много ли еще нам осталось?.. Когда окончательно сдадут нервы?.. Когда кто-то решит обрушить огненный смерч на вражеские города?.. Когда полетят баллистические ракеты?.. Когда прорастут над мировыми столицами ядерные грибы?.. – Она поворачивается ко мне. – Ну что ты молчишь?

А что мне ответить?

Я просто не знаю, что тут можно сказать.

Я знаю одно: если Дафна что-то решила, ее так просто не переубедишь.

Тут надо выбрать подходящий момент. Вот что я знаю.

И вместе с тем я не знаю другого. Я не знаю, что подходящий момент не наступит для нас никогда. Все уже решено. Вертолеты в закрытых ангарах готовятся к вылету. Через два часа они поднимутся в воздух, а еще через час нанесут удар по нашему Центру.

Вот чего я не знаю.

И еще я не знаю, и даже не догадываюсь об этом, что вижу сегодня Дафну в последний раз.

Часть 2

Из глубины

5

Все с чего-нибудь начинается. Черная грозовая туча вырастает из невесомого облачка. Могучее дерево – из семечка размером с ноготь мизинца. Ефим был чокнутым, об этом в городе знали все. У него и фамилия была соответствующая – Чокин. Так что за школьной кличкой дело не стало. А чокнутым Ефим прослыл потому, что еще в детстве полностью и окончательно помешался на звездах. Однажды, будучи с ребятами на ночной рыбалке, ему только-только исполнилось четырнадцать лет, он по известному делу отошел от костра и вдруг, когда ночь сомкнулась вокруг темной водой, как подкошенный повалился в траву, доходящую до колен. Никогда он еще не испытывал такого странного ощущения. Небо распахнулось над ним во всем своем ошеломляющем великолепии: бездонная глубина космоса, мерцающие, переливчатые брызги серебряных звезд. Сердце словно омыл теплый нектар. Кто он такой?.. Что он делает здесь?.. Зачем, зачем это все?..

Словами увиденного было не выразить. Да и не было в его языке слов, которые могли бы охватить этот простор. Другие в таком состоянии чувствуют бога. Ефим встрепенувшимся сердцем почувствовал взыскующий зов Вселенной.

Домой он вернулся совсем иным человеком. В ближайший год он перечитал все книги о космосе, которые только имелись в местной библиотеке. Он узнал, почему небо выглядит голубым: короткие волны, синие и фиолетовые, рассеиваются в атмосфере и потому их можно увидеть. Он выяснил, почему звезды мерцают: турбулентность, взвихрения воздуха, искажают лучи света, направленные от них к нам. Он понял, почему Луна предстает то как металлический рубль, то как истаявший, льдистый серп: ее с неуклонной периодичностью заслоняет от Солнца громада Земли.

Однако гораздо больше его поражало другое. В одной только нашей Галактике, оказывается, четыреста миллиардов звезд. Четыреста миллиардов! Невозможно вообразить! Свет по Млечному Пути летит от края до края сто тысяч лет! А Солнечная система находится в одном из спиральных боковых рукавов, в галактическом захолустье: тусклое пятнышко в море безбрежной тьмы.

Напрашивалось сопоставление с родным городом. Бельск был известен в летописях еще со времен Золотой Орды, но все восемь веков так и пребывал тлеющей искрой в необозримом российском раздолье: кривые улицы, чернеющие грязью после дождя, деревянно-каменные дома, частично вросшие в землю, унылый ров на главной площади, который для чего-то когда-то выкопали, да так и забыли зарыть, каждое лето он порастал гигантскими лопухами. На одной окраине – спиртовой заводик, распространяющий на весь город крепкий водочный дух, на другой – цеха глиноземного комбината, почти скрытые кучами выработанного сырья, от него тоже на половину города разлеталась грязновато-желтая пыль. Около тридцати тысяч человек населения: кто сумел, тот пристроился на спиртзаводике, всем доволен, чего еще можно желать? Кто не сумел, тот – горбатился на комбинате, проклиная себя и нескладную жизнь. Остальные в основном копались на огородах. Текли дни, месяцы, годы, столетия – ни морщинки не появлялось на глади времен.

Единственное, чем Бельск выделялся в россыпи таких же оцепенелых российских селений, – это чистое небо, почти никогда не затянутое облачной пеленой. Какая-то, объясняли метеорологи, уникальная природная аномалия. То ли геопатогенный разлом, то ли что-то еще.

В начале восьмидесятых годов здесь даже начали было строить обсерваторию на одном из холмов, но грянула перестройка, затем – кавардак реформ, стране стало не до звездных пространств, теперь между заброшенными корпусами бродили козы да с жестяным шорохом колыхались те же гигантские лопухи, шершавые от жары.

Реформы, правда, поколебали сонную зыбь. Новый мэр, он же директор глиноземного комбината, пообещал бельчанам быструю модернизацию, демократию и необыкновенный расцвет, после чего оборудование с комбината куда-то вывезли, сам комбинат закрылся, а мэр начал возводить себе замок – с башенками, с гнутыми фонарями, с коваными воротами, опять-таки на холме – но закончить его не успел: застрелили в собственном кабинете. Следующим мэром избрали директора спиртзавода. Тем не менее когда Ефим вернулся из армии, Бельск все-таки уже был другим. Исчезли вымахавшие, как поганки, ларьки, вместо них появились вполне доброкачественные стеклянные павильоны. Открылись два супермаркета, полтора десятка кафе, избы на беленых фундаментах начали вытесняться домами из серого или кровавого кирпича. Заасфальтировали даже главную площадь, лопухи на ней более не росли – разбили пышный цветник.

И все же внутри себя жизнь практически не изменилась. Она как бы сделала робкий шаг вперед, но вдруг опомнилась и снова застыла в привычной обыденной летаргии. Ни на расширившийся спиртзаводик, ни на комбинат, который неожиданно ожил, Ефим идти не хотел и, поразмыслив немного, вместе с парой армейских друзей создал бригаду «Домашний ремонт». А что? Руки откуда надо растут. Голова на плечах тоже вроде бы есть. И ведь угадал, угадал, как номер на лотерейном билете. Под золотым дождем нефтедолларов, заморосившим в те времена над страной, у бельчан тоже начали появляться кое-какие деньги. А вместе с ними образовался и гонор: зачем самому копать в ржавчине и грязи, если можно вызвать бригаду и недорого заплатить. Зачем вообще погружаться в трясины бытовых мелочей. И вот, одному надо было сменить кран: вместо прежнего с кривым медным носиком еще довоенной поры поставить новенький немецкий смеситель, другому требовалось протянуть через участок трубу, чтобы вода шла прямо в сад-огород, третий хотел скрыть внешнюю электропроводку в стенной штробе, было невозможно больше смотреть на разлохмаченную матерчатую изоляцию. Оказалось, что подобной работы в Бельске не счесть. Тем более что Ефим утвердил в бригаде суровый закон: в рабочие дни – ни-ни. Сам-то он не пил вообще. Молодые жены друзей были теперь за него горой. А кроме того, почитав прессу, внедрил удивительную для бельчан инновацию – клиент всегда прав. Хоть переломись, но сделай, как он велит.

Ему даже трудности шли на пользу. Обнаружилось, например, что в Бельске не достать нормального крепежа. За нужными саморезами поезжай в Заборинск, за дверными петлями – опять же гони за сто километров в районный центр. Ефим подумал-подумал и открыл магазин – здесь и гвозди любых размеров, и саморезы, и петли, и разных видов сверкающие, никелированные крючки (их вообще раскупили за первые же три дня). Одновременно выяснилось, что существует громадный запрос на окна. Сами-то стекла резали в заброшенном гараже двое заросших, как лешие, нечленораздельно разговаривающих мужиков, с этой работой еще кое-как справлялись, но на просьбы заказчиков не просто отрезать нужный размер, а еще грамотно застеклить, отвечали: ну это уж ты, хозяин, как-нибудь сам... Ефим порасспрашивал родственников, приятелей и друзей, нашел трех толковых ребят, из которых создал самостоятельное подразделение. Заодно пришлось открыть магазин рам и дверей. Бельчане будто очнулись: каждый хотел, чтобы у него было не хуже, чем у других. Так Ефим самостоятельно открыл эффективность производственной специализации. Через пять лет у него уже было четыре больших магазина, два склада материалов, трест из шести бригад, готовых быстро выполнить любой строительно-ремонтный заказ. Конкуренты, по-прежнему ютившиеся в гаражах, скрипели зубами, но победить в конкуренции не могли. Трижды в его магазинах били витрины, угрожали по телефону, один раз даже пытались поджечь. Выход нашелся быстро. Бельск был

городок небольшой, молодежные банды, рыхлые и сумбурные, были наперечет. Ефим просто купил самую вменяемую из них: положил им приличные деньги, пошил форму, провел соответствующий инструктаж, и «чок-гвардия», как ее тут же называли, начала прохаживаться по улицам, помахивая дубинками. На любое обращение вежливо отвечали: слушаю вас... Заодно пресекали драки, присматривали (за небольшую мзду, разумеется) за ресторанами и кафе, гоняли пьяниц, вообще – неформально улаживали разные бытовые конфликты. В городе сразу стало потише, и за одно это бельчане готовы были носить Ефима Чокина на руках. На ближайших выборах мэра «партия власти», единственная, имеющая в Бельске серьезный ресурс, предложила выдвинуть его кандидатуру. Собственно, конкурентов и не было: действующему мэру (директору спиртзавода) исполнилось шестьдесят девять лет, замок с башенками и коваными воротами он себе уже выстроил, пора на покой. Ефим набрал девяносто четыре процента голосов – самый высокий в области результат.

Звезды тем не менее не отпускали. Жену, Алену (к тому времени Ефим уже был женат), он сразу предупредил, что как только появятся свободные деньги, купит себе телескоп. Алена не возражала: пусть хоть крестиком вышивает, лишь бы не пил. И потому, возведя новый дом (кирпичный, но скромный – всего два этажа), Ефим торжественно водрузил в застекленную ротонду на крыше новенький, восхитительный «Галилей», выписанный из Москвы. Теперь он часто сидел, прильнув к нему, до рассвета – пока звездное небо над Бельском не начинало бледнеть. Пыль глиноземного комбината ему не мешала: еще прежний мэр, когда сам начал задыхаться от астмы, поставил там мощный немецкий фильтр. Очень кстати вырос и окреп интернет. Ефим жадно, до слипания глаз, глотал статьи и текущие публикации по астрономии. Он даже за три года выучил английский язык, поскольку материалов на русском катастрофически не хватало.

Понятно, что с профессиональными обсерваториями он тягаться не мог. Его «Галилей» не шел ни в какое сравнение с тамошними оптическими тяжеловесами. Тем более что современная астрономия уже перешла от визуального инструментария к радиотелескопам, а рутинные наблюдения и велись, и обсчитывались компьютерами. Но ведь дело тут было не только в науке. Есть еще редкое удовольствие (для тех, кто понимает, конечно) выйти, хотя бы взглядом, за пределы небес, заглянуть в тайны звездной механики, увидеть то, на что не способен обычный человеческий глаз.

Ефим с тихим восторгом исследовал кратеры, моря и горы Луны, наблюдал громадные, длиной в тысячи километров пылевые бури на Марсе, изучал Большое красное пятно в атмосфере Юпитера, восхищался необыкновенной гармонией системы колец Сатурна... Ну и, конечно, – глубокий, глубокий космос, здесь одни лишь названия окунали его в легкий озноб: галактические стены, протянутые через всю Вселенную, галактические войды (громадные, беззвездные океаны), галактические туманности, великий аттрактор... Звучало как песня на неведомом языке... Дух захватывало, в какие дали он проникал... Уже от корки до корки была прочитана книга Карла Сагана, и теперь Ефим знал, что в древности люди называли планеты в честь верховных богов. Одна из них, яркая, медленно движущаяся по небу, получила у вавилонян имя Мардук, у норвежцев – Один, у римлян – Юпитер, у греков – Зевс. Бледную быструю планету, никогда не удалявшуюся от Солнца, римляне назвали Меркурием, самую сверкающую – Венерой в честь богини красоты и любви. Кроваво-красная планета именовалась Марсом, богом войны, а самый медленный в этой плеяде получил имя в честь бога времени – величественный Сатурн. Боги пребывали на небе и управляли оттуда жизнью людей. Всего древнему человечеству известны были лишь семь планет, в число которых включали и дневное Солнце, и ночную Луну. Семь планет, семь верховных богов, семь дней недели, семь священных миров. Число «семь» стало обретать мистические коннотации. Считалось, что существует семь сфер небес, в центре которых – Земля, творение мира продолжалось тоже семь дней (с учетом воскресенья, когда бог отдыхал), в человеческой голове – семь отверстий, есть семь

добродетелей и, соответственно, семь смертных грехов, жизнь искажают семь злобных демонов, в греческом алфавите семь гласных букв (каждой из них соответствует и свой собственный бог), есть семь Правителей судеб, семь Великих книг, семь Таинств, семь Мудрецов, семь алхимических «тел» (золото, серебро, железо, ртуть, свинец, олово, медь), полагали также, что седьмой сын седьмого сына обладает сверхъестественными способностями. В Апокалипсисе семь печатей снимаются со свитка, «написанного внутри и отвне», семь ангелов поочередно трубят в семь труб, наполняются гневом божьим и проливаются на землю семь чаш.

Ни на какие выдающиеся открытия он, разумеется, не рассчитывал. Человечество смотрело на небо уже тысячи лет. Казалось бы, что может добавить к этому астроном-любитель из провинциального городка? Но мерцал внутри слабенький огонек: бывают, бывают в жизни разные чудеса. Вот, например, Юджи Хякутакэ, тоже любитель, открыл две кометы, названные его именем; одна из них, между прочим, прошла в непосредственной близости от Земли. Или Роберт Эванс, ни много ни мало – кинопродюсер, открыл визуально, то есть через наблюдение в телескоп, сорок две вспышки сверхновых звезд. А Камил Горнох, тоже любитель, открыл аналогичные вспышки, но – уже вне пределов Галактики. А как повезло Кэролайн Мур: открыла и зафиксировала сверхновую, когда ей (Кэролайн) было четырнадцать лет. Или вот Лесли Пелтье, простой фермер, клубнику выращивал, даже высшего образования не получил, но обнаружил и официально зарегистрировал аж целых двенадцать комет.

Чем он, Ефим, хуже них?

Главный стимул все-таки заключался в ином. В нашей Галактике действительно четыреста миллиардов звезд. Неужели ни у одной из них так и не смогла зародиться жизнь? Трудно было в это поверить. Ефим уже был знаком со знаменитым «принципом заурядности»: Вселенная является однородной и изотропной, Солнечная система – не исключение среди других звездных систем, значит должны существовать целые сонмы планет, подобных Земле, и на многих из них вполне могли возникнуть высокоразвитые цивилизации. Тогда где они? – как темпераментно воскликнул однажды Энрико Ферми. Почему мы не видим и не слышим их?.. Действительно, почему? Ведь уже с середины прошлого века началось систематическое радиопрослушивание Вселенной, а также поиск того, что можно было бы интерпретировать как разумный сигнал. И – нигде, ничего. Несколько быстротечных сенсаций лопнули, как пузыри. Ефим этого не понимал. Великое молчание космоса он рассматривал как вызов лично себе. Иногда среди ночи он откидывался от телескопа и, давая отдых глазам, смотрел из ротонды на Бельск, погруженный в невнятные сны, на равнину за ним, на расплывчатые тени холмов, на выгнутый, как в средневековых гравюрах, звездный купол небес, и его охватывало что-то вроде отчаяния.

Неужели мы в самом деле одни?

Нет-нет, этого просто не может быть...

Жители Бельска тем временем относились к увлечению мэра спокойно. Между собой называли его «наш звездочет». Рассуждали здраво: главное, чтоб звездолеты не стал строить за счет городского бюджета, а так – ради бога, пожалуйста, какой от этого вред?

Вместе с тем мэр – фигура публичная. Вообще – тем, кто чего-то достиг, невольно стараются подражать. В социологии это называется «демонстрационный эффект». Однажды на прием к Ефиму явился директор соседней школы и рассказал, что у них в старших классах – просто повальное увлечение астрономией. Пришлось даже организовать «Звездный кружок». Чуть ли не каждый второй купил себе сильный бинокль. Но что там – бинокль? Разве в бинокль что-нибудь интересное разглядишь? В общем, нельзя ли провести для ребят экскурсию к настоящему телескопу? Ефим только руками взмахнул: да сколько угодно! В тот же вечер явились к нему аж двадцать семь человек. В ротонду их пришлось набивать последовательно – тремя партиями, так что в круглом зальчике было не продохнуть. Половина энтузиастов, разумеется, быстро отсеялась, но двенадцать ребят начали приходить теперь чуть ли не каждую ночь. Да

еще подтянулось с десятков из других городских школ. Алена стонала: не дом, боже мой, а прямо какой-то рок-клуб, всю ночь топают по лестницам вверх и вниз. И потом, ведь эту ораву надо чем-то кормить. Неудобно же, надо хоть чай с бутербродами предложить. А с другой стороны, не выгонять же ребят: не в пивбар все же идут, не на дискотеку с каким-нибудь порошком, а изучать звездное небо.

Все чаще посматривал Ефим на развалины обсерватории. Понимал, что если уж браться за это дело, то браться надо продуманно и всерьез. В одиночку такую махину не своротить. И наконец решился, взял месячный отпуск, поехал сначала в область, потом оттуда, не оглянувшись, – в Москву. Как он позже рассказывал, это была целая эпопея: в Москву пришлось съездить еще одиннадцать раз. Тем не менее месяцев через шесть начались на развалинах восстановительные работы, а еще через год новенький раздвижной купол просиял с вершины холма матовым серебром...

Обсерватория получила необычный *открытый* статус: проводить наблюдения в ней мог в принципе любой гражданин России. Начали приходиться заявки от объединений астрономов-любителей. Стали слезно проситься астрономические кружки из других городов. А когда Ефим – с помощью уже нового поколения старшеклассников – сделал для нее увлекательный сайт: плыли по нему галактики, вспыхивали разноцветные звезды, будто в танце вращались хорорывы планет, то поток желающих посетить Бельский астрономический центр вырос в десятки раз. Пришлось возвести гостиницу для приезжих. Основой тут послужил замок-терем, который не успел достроить первый городской мэр. О Бельске начали писать в центральной прессе, был снят телефильм «Город Неба», где Ефим давал обширное и (честно говоря) не слишком внятное интервью. В обсерваторию заглянул (проездом) даже премьер-министр, и по такому случаю губернатор немедленно заасфальтировал дорогу от Бельска в райцентр.

Город вообще заметно преобразился. Бойкие журналисты писали, что там даже поддаты мужики знают, что такое эксцентриситет. Так прямо и говорят: что-то у меня сегодня эксцентриситет – не того, добавить бы надо... А на вопрос полиции: где живешь? – бодро отвечают: в Ланиакее!.. – имея в виду колоссальное галактическое сверхскопление (по-гавайски «необъятные небеса»), куда тоненькой ниточкой входит и Млечный Путь. На что тут же получают совет: вот и дуй отсюда на третьей космической!.. Однако, если серьезно, то на всероссийских олимпиадах по астрономии школьники Бельска теперь регулярно занимали призовые места. Бельск удостоился принимать «Астрофест» – крупнейший в России астрономический фестиваль. И уже солидный московский еженедельник в статье «Кому нужны звездочеты?» без тени иронии написал, что «будущее страны создается в Бельске»: ведь там дети с пятого класса запросто оперируют такими понятиями, как реликтовое излучение, эффект Доплера или параллакс.

Было в обсерватории и научное отделение. Сотрудники его, аспиранты и кандидаты наук, охотно приходили к Ефиму – пообедать как следует, выпить чая, кофе, хорошего коньяка, осмысленно поговорить с хозяином, как устроено мироздание. Почему, например, Вселенная несимметрична, какой тут скрыт глубокий и таинственный смысл? Или что такое темная материя, етить ее в кочерыжку, и – поставить вопрос ребром – а существует ли она вообще?

Ефим тоже – иногда целые ночи – проводил в обсерватории. Вокруг него накапливался, медленно обновляясь, кружок продвинутых в астрономии учеников. Попасты туда считалось за великую честь. Заскакивали и повзрослевшие выпускники – вспомнить юные годы, вновь окунуться в загадочную звездную даль. И вот однажды, о чем Ефим поведал одной из центральных газет, к нему подошла Галя Поспелова, седьмой «б» класс, четырнадцать лет, именно столько когда-то было ему, и, смущаясь до самых ушей, сказала, что зафиксировала на последних сеансах какой-то странный объект. Вы, Ефим Петрович, не могли бы взглянуть?.. Четыре часа утра, конец марта, дежурство подходило к концу. Снег уже почти стаял. Звезды, казалось, пахли весной. Ефим без особого интереса просмотрел на компьютере один снимок, другой,

после пятого или шестого, подумав, вернулся в начало, уже целенаправленно, сравнивая, пролистал всю серию, выпрямился рывком, напрягся, стал смотреть еще раз, и вдруг, выражаясь его собственными словами, у него «мягко и горячо подпрыгнуло сердце».

6

Нельзя сказать, что сенсация грянула неожиданно. Первые публикации, сообщающие о том, что в Солнечной системе, примерно на орбите Марса, обнаружен космический корабль пришельцев, появились уже в начале апреля, когда Международный астрономический союз (самая серьезная в этой сфере организация) официально подтвердил наблюдения Бельской обсерватории, осторожно классифицировав обнаруженный ею феномен как «аномальный объект».

Но и этого было достаточно. Новостные агентства тут же запестрели сногшибательными заголовками. Утверждалось – без тени сомнений, конечно, – что это действительно звездолет, что он не один, что к Земле приближается грозная «галактическая армада», вооруженная «позитронными лазерами», что вторжения следует ожидать через месяц, через неделю, вообще завтра с утра, что спасения нет и что истекают последние дни существования человечества. Необычайную популярность набрал в сети ролик анонимного автора, ник – «Дикозавр», где пупырчатый, как огурец, крейсер «галактов» приземлялся непосредственно на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне, из него выскакивали тысячи бронированных пауков и без особых усилий превращали в дымящиеся развалины и Пентагон, и Капитолий, и Белый дом.

Кстати, именно в это время мне позвонил из Москвы Андрон Лавенков и попросил срочно выслать ему мои соображения насчет возможных версий контакта с инопланетной цивилизацией. Три странички, не больше: что это будет – переговоры или конфликт?

– Какие еще пришельцы? – туповато осведомился я.

– Ты что, телевизор не смотришь? – фальцетом вскричал Андрон.

Только тогда я сообразил, что дело серьезное.

Особой паники, впрочем, не было. Подавляющее большинство пользователей интернета (и я в том числе) уже давно привыкли к информации типа «космический крейсер инопланетян найден во льдах Антарктиды». Или «НАСА сфотографировала тайную базу пришельцев на обратной стороне Луны». Реакция на первые сообщения была слабой. Мир, захлебывающийся в пузырях фейковых новостей, утратил способность отличать вымысел от реальности. И только когда тот же Астрономический союз опубликовал бюллетень, где говорилось, что «бельский объект» имеет, скорее всего, искусственное происхождение, а буквально через пару часов после этого генеральный секретарь ООН Чармонг Ал Бешт, подводя итог чрезвычайному заседанию Совета Безопасности, длившемуся всю ночь, объявил, что к Земле действительно приближается космический корабль инопланетян, ситуация начала обретать характер повального сумасшествия.

Конечно, сначала, как полагается, разразился скандал. Один из сотрудников обсерватории Маунтин-Бейлз (Скалистые горы, северо-запад Соединенных Штатов) заявил в интервью Си-эн-эн, что приоритет открытия «бельского артефакта» вообще-то принадлежит им, а не обсерватории Бельска, поскольку они наблюдали данный объект тремя неделями ранее, о чем существуют соответствующие протоколы. Публичное же сообщение ими сделано не было, поскольку сведения об этом открытии были сразу же засекречены правительством США. Правда, директор обсерватории данное заявление немедленно опроверг. Результаты астрономических наблюдений не были засекречены, пояснил он в собственном интервью Си-эн-эн, ни правительственные чиновники, ни министерство обороны Соединенных Штатов на нас давления не оказывали. Публикация была задержана по вполне понятным причинам: эти данные необходимо было тщательно изучить. Мы ученые и не гоняемся за дешевыми сенсациями,

подчеркнул директор обсерватории, мы печатаем лишь проверенные, подтвержденные, строго обоснованные результаты. В свою очередь, пресс-секретарь Белого дома на вопросы журналистов ответила, что она насчет «звездного корабля» не в курсе, но в ближайшее время наведет справки в Госдепартаменте. А Международный астрономический союз в тот же день разъяснил, что приоритет открытия устанавливается по первому официальному публичному извещению. И поскольку первой такое извещение прислала обсерватория в Бельске, то и приоритет остается за ней, с чем Бельскую обсерваторию поздравил по скайпу президент России.

Впрочем, этот скандал продержался в топе всего около суток. Он был немедленно вытеснен гораздо более увлекательными новостями. Всего через двенадцать часов после заявления генерального секретаря ООН на несущих частотах мировых информационных агентств, прервав текущие передачи, как будто вообще их отключив, прозвучал сигнал, тут же идентифицированный как простой арифметический ряд: «один – один – два», «два – два – четыре» и «три – три – шесть», а затем те же агентства приняли трехминутный «космический видеоролик». В нем сообщалось, что корабль прибыл из звездной системы Аркон, расположенной, по всей вероятности, вне нашей Галактики, что планета Аркон хотела бы установить дружественный контакт с планетой Земля, что арконцы прибыли исключительно с мирными, научными и культурными, целями и что они просят разрешения Организации Объединенных Наций занять над планетой орбиту и высадить на поверхность Земли делегацию для переговоров.

Интересная подробность, на которую сперва не обратили внимания: сообщение было передано одновременно на девяти земных языках, именно на тех, что использовали при вещании соответствующие агентства, и эта подробность, как позже выяснилось, имела далеко идущие следствия.

Признаюсь, что я сам в эти эпохальные дни испытал лишь «чувство глубокого удовлетворения». Дело в том, что моя аналитическая записка, которую я незадолго до того послал Лавенкову, почти полностью соответствовала данному сообщению. В записке я, в частности, указал, что цивилизация звездных пришельцев, скорее всего, не имеет по отношению к нам каких-либо враждебных намерений. В координатах Вселенной агрессия просто бессмысленна. Арконцам вряд ли потребуются рабы: на уровне их технологий для производства проще использовать механизмы. Маловероятно, что им потребуется сырье: при межзвездной логистике доставка любого сырья окажется экономически не эффективной. Им вряд ли потребуется колония: что с ней делать – надувать имперской гордостью щеки? И вообще цивилизацию, которая освоила просторы Галактики, не следует оценивать в рамках исторически обусловленного, сугубо земного мышления. У нее могут быть цели, которые нам абсолютно неведомы, и интересы, которые с нашими, земными интересами просто не пересекаются. Гадать о них сейчас совершенно бессмысленно.

Более того, подытожил я, если пришельцы запросят у нас официальное разрешение на посадку, значит у них есть четкое представление о границах культуры. А это одно из фундаментальных мировоззренческих представлений, которое определяет собой весь коммуникационный формат: существуют границы личности (нельзя, например, обнять незнакомого человека на улице), существуют границы нации, границы государства (которые нельзя просто так пересечь), существуют также границы цивилизации, границы всей планеты Земля, никак внешне не обозначенные, но тем не менее предполагающие демаркацию. В общем, подобный запрос (особенно на каком-нибудь из земных языков) будет означать, что арконцы заведомо признают суверенность и самостоятельность человечества, то есть базисные основания наших цивилизаций гомологичны, а это, в свою очередь, дает перспективы для равноправных и дружественных отношений.

Отсюда следовали и рекомендации. Не предпринимать никаких резких действий, которые могли бы быть истолкованы как враждебные. Не пытаться устраивать «смотр» противо-

космических сил, пусть даже на этом будут настаивать все генералы Земли. Лучшее, что мы можем сделать сейчас, – это ждать первого шага с *их* стороны.

Вот так примерно я написал. Все это было, конечно, банально, на популистском, разжеванно-школьном уровне, но ничего другого от меня и не требовалось. Опыт аналитических докладных у меня уже был, и я знал, что политики ко всякого рода интеллектуальным изыскам, которыми грешат аналитики, относятся очень скептически. Политикам все следует объяснять на пальцах – тогда поймут. И ведь, как ни странно, я угадал, угадал! Позже Андрон мне доверительно рассказал, что эти мои дурацкие три страницы произвели впечатление на «ответственных лиц». А с запросом разрешения на посадку я вообще попал в яблочко, и это послужило убедительным аргументом для приглашения меня в Международную группу экспертов.

Однако подробности стали известны чуть позже. А тогда, после демонстрации ролика, наибольший фурор, разумеется, вызвал внешний облик арконцев. Представьте себе зеленого полуметрового человечка с приплюснутой и расширенной в области щек головой, с огромными, как у стрекоз, фиолетовыми, выпуклыми глазами, по-детски хрупкого, с бугорчатыми суставами на локтях и запястьях, да еще одетого тоже аналогично – в совершенно детский коричневый комбинезон: шорты выше колен, на груди – симпатичный карманчик, ляпочки на узких плечах, только аппликации с зайчиком не хватает. Он как будто вышел из фантастических фильмов Стивена Спилберга. Оказалось потом, что он и в самом деле вышел оттуда. Но поначалу на весь мир ахнул медийный взрыв: так, значит, зеленые человечки действительно существуют. Это не бредни уфологов, не конспирология маргинальных сект, арконцы и в самом деле уже давно присутствовали на Земле. Они внимательно изучали нас, они за нами следили, они бесшумно и незаметно внедрялись в земную жизнь.

Пресса сразу же расслоилась на два противостоящих потока. С одной стороны началось бешеное извержение жутких алармистских материалов. Причем не только в суетливых таблоидах, готовых ради сенсаций и тиража печатать любую чушь, – нет, даже серьезные издания вроде «Гардиан», «Нэшнл интрест» и «Таймс» публиковали статьи, где содержался призыв к осторожности. Настоящую бурю вызвало выступление на Би-би-си отставного американского генерала, бывшего члена Объединенного комитета начальников штабов армии США, где вопрос был с военной прямоотой поставлен ребром. Почему, спрашивал генерал, арконцы заранее не известили нас о своем прибытии? Почему вместо легкого разведывательного судна, что было бы естественно и понятно, к нам сразу же приближается крейсер, скорее всего несущий тяжелое вооружение на борту? Почему он хочет встать на земную орбиту, откуда удобно нанести смертельный удар? Мы что, собираемся жить под прицелом чужих орудий? Мы что, капитулируем раньше, чем нам объявят войну? И далее генерал требовал принятия срочных и решительных мер: объявить чрезвычайное положение на всей Земле, вручить диктаторские полномочия Совету Безопасности ООН, провести мобилизацию армий крупнейших стран, привести в боевую готовность все имеющиеся ракетно-космические войска. Мы должны открыто продемонстрировать, что готовы сражаться за каждую пядь нашей земли, заявил генерал. Только это вызовет сдержанность и уважение к нам со стороны непрошенных «звездных гостей».

Масла в огонь подлил прогноз группы социальных психологов, заказанный тем же СБ ООН и неизвестно как попавший в печать. Психологи, в числе которых присутствовали очень авторитетные имена, предупреждали, что ситуация, с которой ныне столкнулась Земля, является уникальной в истории человечества. Народы Земли, как бы они ни конфликтовали между собой, все-таки образуют единую, целостную земную культуру. У нас всех есть общий фундамент: вид хомо сапиенс, то есть не подлежащий сомнению биологический идентификат. Другое дело арконцы – они могут иметь принципиально иные, нечеловеческие характеристики, даже такие, какие мы просто пока не способны вообразить. Результатом контакта может быть общеземной культурный шок, который проявит себя в виде широкомасштабных психических

эпидемий. Вектор ксенофобии будет направлен не только вовне, но и внутрь, что, в свою очередь, породит непредсказуемые социальные потрясения. Нам нужно быть готовыми к пандемии спонтанных коллизий, они могут стать более разрушительными, чем любая война. Прогноз поверг в смятение правительства многих стран.

И все же преобладающим настроением в это время была эйфория. Вероятно, никогда еще человечество не испытывало такого прилива сияющих и вдохновенных надежд. Как выразился обозреватель «Нью-Йорк таймс», «Вселенная перестала быть вечным вызовом, темным кошмаром, перед которым мы испытываем удручающее бессилие. Она стала открытой дверью, куда нас приглашают войти». Гомерически вырос спрос на домашние телескопы и подзорные трубы. Расцвела «уличная астрономия», ранее существовавшая лишь как некое экзотическое развлечение. Миллионы людей выходили по ночам на площади и проспекты, чтобы, отстояв жуткую очередь, увидеть своими глазами корабль пришельцев. К тому времени уже установлены были его очертания: как ни странно, действительно бочка в пупырышках, насаженная на длинную, постепенно истончающуюся иглу, на конце иглы – громадный ажурный диск, а из самой бочки торчат во все стороны как бы булавки с разноцветными шариками на концах. Размер корабля – около четырнадцати километров в длину. В экспертной группе рассказывали потом, что когда у Лорда на заседании соответствующего комитета ООН спросили, что эти шарики означают, он выплеснул на блюде кофейную гущу, внимательно изучил ее и ответил: концентраторы гравитонной энергии. Почему вы так думаете? – растерянно спросил председатель. А Лорд совершенно серьезно указал на блюдечко с растекшейся гущей: так вот же – смотрите сами... Ему все это сходило с рук: седьмой лорд Стемплтон-Нортумберленд и должен был обладать изрядной долей экстравагантности.

Ожидания возникали самые феерические. Казалось, что с прибытием арконцев на Земле немедленно наступит блаженный Золотой век. Будут решены все проблемы, излечены все болезни, утешены все страдающие и т. д. и т. п. Обводнят Сахару, победят СПИД и рак, прекратят войны, накормят голодных. Мечтания зачастую превращались в гротеск. Президент Украины, например, сразу же заявил, что его страна готова помочь арконцам в освоении безбрежной Вселенной. Выступая перед курсантами срочно открытой в Киеве Космической академии, президент подчеркнул, что Украина уже в ближайшее время, несомненно, станет великой звездной державой. «На всіх пирсеках буде звучати українська мова, – пообещал он. – Ми будемо завозити газ з Юпітеру і позбавимося від поставок из страны-агресора. Зірки вітають нас!» Одновременно президент пригрозил, что граждан так называемых Харьковской, Одесской, Запорожской, Донецкой и Луганской «свободных республик», а также сепаратистов так называемого «государства Галичина» Украина с собой в Галактику не возьмет. «Пусть прозябают на Земле!» – воскликнул он. Журналисты тут же поинтересовались, что президент подразумевает под словом «пирсек»? Но пресс-секретарь, взойдя на трибуну, непререкаемым тоном сказала, что на провокационные вопросы президент отвечать не будет. И вообще президент сейчас занят – он формирует части галактической безопасности.

Настаивался крепкий коктейль восторга и страха, разума и безумия, неконтролируемых эмоций и расчетливых политических интриг. Так, вероятно, четыреста лет назад островные народы южных морей смотрели на приближающиеся к ним с горизонта европейские корабли. Смесь ужаса и благоговения. На мой взгляд, как и на взгляд многих наших экспертов, крайне взрывоопасная смесь. Мои же собственные ощущения в эти дни можно было определить как смутное беспокойство. Мне казалось, что эйфорическое ожидание чуда свидетельствует об одном: народы Земли больше ни в грош не верят в действенность избранных ими властей и рассчитывают лишь на всемогущих богов, спускающихся с небес.

Впрочем, разбираться в своих ощущениях мне было некогда. Уже была сформирована Международная группа экспертов, пятьдесят человек, которые должны были обеспечить Контакт. Через три дня я вылетел сначала в Москву, где получил инструктаж, сводившийся к одной

фразе «Ну чё делать-то, дык?», а затем через Эр-Рияд – в Напалёб, где был развернут наш временный лагерь.

Аркионцы запросили разрешение на посадку в Аравийской пустыне. Непонятно было, какими соображениями они руководствовались, и впоследствии выяснить это тоже не удалось (честно говоря, было просто не до того), однако данный вопрос породил был неожиданные конфликты. Богословский совет исламского духовного университета в Каире (чуть ли не старейшего в мире, основан он был аж в 988 году) принял специальную фетву, где говорилось, что поскольку пришельцы из звездных миров выбрали для Контакта священную землю Аравии, то возможно, что на это решение их незримо сподвиг сам Аллах. Таково его божественное благоволение. А потому и Контакт (непосредственные переговоры) должны вести те, кто способен эту волю Аллаха неукоснительно исполнять, то есть наиболее авторитетные исламские богословы. С другой стороны, мало кому известная до сих пор радикальная группировка «Аль-Хазгар» заявила в своем манифесте, который, видимо сгоряча, озвучил известный телеканал, что не позволит осквернить Землю ислама мерзким инопланетным кафирам: они в своем ролике даже не вознесли славу Аллаху, а заодно пригрозила свергнуть нынешний богопротивный, полностью прогнивший саудовский королевский режим, воплощающий собой лишь двуличие и коррупцию. Отрицательно, по-видимому, отнеслись к Контакт и главы многих традиционных церквей, хотя из их велеречивых посланий мало что можно было понять. Другое дело – политики. Всех затмила речь президента Соединенных Штатов, который на очередной пресс-конференции вдруг сказал, что он лично намерен предложить аркионцам приземлиться не в Аравии, а в любом месте на территории США. Америка, будучи самой развитой и самой богатой страной, может лучше других обеспечить безопасный и полноценный Контакт. Американцы всегда были в космосе первыми, сообщил изумленной аудитории президент. «Они были первыми э-э-э... на Луне, они были первыми в исследованиях э-э-э... Марса, Юпитера и... э-э-э... остальных планет, они будут первыми также и в диалоге с иными цивилизациями». Это неосторожное заявление вызвало такой протест во всем мире, что уже на другой день пресс-секретарь Белого дома была вынуждена объяснять, что президент вовсе не это имел в виду. Но что именно имел в виду президент, сама пресс-секретарь объясняла так долго и путано, что большая часть журналистов с пресс-конференции разошлась.

Времени до Контакта тем не менее оставалось немного. СБ ООН после острых дискуссий сформировал особый Департамент (ДЕКОН), куда вошли представители каждой географической части света – странный принцип и компромисс, который, на мой взгляд, сильно осложнил работу экспертных групп. Аркионцы, в свою очередь, прислали еще один ролик, демонстрирующий техническую сторону высадки. Сам звездолет предполагалось вывести на орбиту, более высокую, чем у земных спутников, образующих довольно плотную сеть, спуститься на Землю был должен лишь модуль, по форме и цвету напоминающий срезанное снизу яйцо. Далее, как показано было в ролике, модуль преобразовывался в купол диаметром около девяноста метров, а вокруг купола аркионцы предполагали поставить защитное поле, преодолеть которое, по их словам, не сможет ни один земной человек, а также – ни один земной механизм. При этом особо подчеркивалось, что данное поле не причинит никому никакого вреда – это чисто механическое препятствие, обладающее отталкивающим эффектом, более ничего.

Со своей стороны ДЕКОН объявил, что месту высадки придается особый статус: это будет экстерриториальный анклав под прямым управлением СБ ООН (претензии Саудовского королевства на особую роль в данном вопросе были отклонены), территория вокруг Центра в радиусе двухсот километров объявлялась запретной зоной и для людей, и для любых несанкционированных транспортных средств. Мгновенно были прокопаны рвы, поставлены надолбы, закрутились решетки локаторов, сразу три спутника (американский, китайский и русский), обеспечивая непрерывный обзор, повисли на геосинхронных орбитах. Строительством Центра

руководил Технический комитет, который сформировал тот же ДЕКОН, и ему безоговорочно подчинялись военные и гражданские подразделения.

Через месяц все телеканалы Земли показывали во множестве ракурсов одну и ту же картинку. В бледно-сером небе Аравии появляется еле видимое даже в приборы пятно, проступающее первоначально просто как сгущение воздуха. Оно быстро растет и за минуту превращается в модуль, действительно очертаниями похожий на срезанное снизу яйцо. Высота модуля – пятьдесят восемь метров, диаметр – двадцать пять. Инверсионного следа, оставляемого самолетами, за ним нет. Модуль плоским дном своим садится на верхушку бархана, застывает, как позже было подсчитано, на двенадцать секунд, а затем медленно, но вполне заметно для глаз, погружается в блеклую, какую-то соляную на вид толщу песка. На поверхности остается лишь конус, быстро меняющий цвет: только что он был серебристо-морозным, и вот уже – черный, непроницаемый, как антрацит. Далее около часа не происходит вообще ничего, паузу заполняет безудержная трескотня комментаторов, и вдруг опоясывает бархан четкая, ярко-оранжевая полоса, а над ней легкой синью смыкается купол защитного поля.

Я видел все это собственными глазами. И скажу честно: по телевизору зрелище выглядело гораздо более впечатляющим. Я это потом специально сравнил. Но ведь здесь важен еще и эффект присутствия, чего, конечно, ни один экран не может воспроизвести. Арконцы заверили, что никакой опасности для людей посадка не представляет, не будет ни излучений, ни ударных, ни световых, ни акустических, ни электромагнитных, ни гравитационных волн, и потому метрах в двухстах от заранее отмеченного бархана, у ограничительной линии – военные ее все-таки провели – скопилось около трехсот человек: пятьдесят официальных экспертов, которых назначил ДЕКОН, столько же политиков и чиновников, в том числе делегация во главе с генеральным секретарем ООН, ну и, конечно, свободный от дежурств технический персонал.

Говорят, что один из многочисленных обозревателей, кажется Си-эн-эн, находясь в прямом эфире, искренне сожалел, что в этот судьбоносный и торжественный миг не прозвучал во всю мощь Гимн Земли (который, заметим, еще требовалось написать; почему-то за месяц подготовки к прибытию никому это в голову не пришло). Не знаю, может быть, он был и прав. Меня, однако, охватило тогда какое-то тревожное настроение. Был яркий полдень, сушила горло ошеломляющая жара, я находился в толпе, среди оживленно переговаривающихся людей, две желто-паплатые дамы возле меня, повизгивая как болонки, подпрыгивали и размахивали флажками ООН. Все было абсолютно, абсолютно нормально, и вместе с тем мне почему-то казалось, что я пребываю на острове, затерянном в океанской глуши, что я один, на тысячи миль нет более никого, – и вот из тревожного плеска волн, из темных глубин, куда человек еще не проник, всплывает некое мифическое существо, бьет щупальцами по воде, приподнимает тяжелые веки, и светлые, без зрачков, фосфорические глаза его начинают ощупывать мир, принадлежащий отныне – только ему...

7

Лизетта – это не имя. Лизетта – это домашнее прозвище, которое придумал отец. И сразу же пояснил, что так звали любимую собачку Петра Первого. Лизетта видела в Кунсткамере ее чучело: жалкая такая бродяжка с кривыми лапками. Но иногда Лизетта и в самом деле ощущает себя собачкой, стоит отцу поманить, и она бросается к нему со всех ног, захлебываясь от счастья.

Сейчас, правда, бросаться ей не к кому. Отца в последний раз она видела месяц назад, когда он на полдня прилетел в Петербург из Саудовского королевства, уже вечером должен был уехать в Москву, оттуда – на арконскую Станцию. Домой, к ним с Анжелой, заглянул всего на пару часов, даже чуть меньше, и основную часть этого нескладного времени они гуляли по городу. Он сам ей вдруг предложил. Прошлись по Загородному проспекту, чиркнули по

Измайловскому, свернув направо мимо Троицкого собора, затем по Садовой аж до самого Невского, назад вернулись по изогнутой набережной Фонтанки. Отец сказал, что соскучился по городскому пейзажу.

– В пустыне – жара, ветер, песок... До горизонта – одни барханы... Нет красок... Утомительное однообразие... Ящерицы бегают вот такие – полметра длиной...

И действительно, будто впитывая в себя, смотрел на разноцветные фасады домов, на пожарное депо с вытянутым к небу четырехугольным пеналом башни, на громадный безлюдный сад, скрывающий Военно-медицинскую академию, на раздробленную мелкими всплесками воду Фонтанки, в перспективе которой вздымались синие, в веселых серебряных звездах купола Троицкого собора.

Именно тут она вдруг решила и напрямую спросила:

– Какие они?

И отец, немного подумав, ответил, что если коротко, то они – просто другие.

– Ты только не читай всякую чушь в интернете. Они не плохие и не хорошие, не добрые и не злые, не коварные и не наивные, просто – совершенно другие. Нам их не понять. И я не уверен, что они, в свою очередь, понимают нас, сколько бы сведений о Земле они ни собрали...

– Но они же не собираются нас завоевывать?

Отец усмехнулся:

– Смотря что считать завоеванием...

Лизетта, кажется, догадывалась, о чем речь. Именно в этот последний месяц ей все чаще стали попадаться люди с каким-то нездешним взглядом: глаза, будто выточенные из стекла, не смотрят, не видят, лишь равнодушно отражают в себе окружающее. Человек как бы не здесь. Для него все, что вокруг, не имеет значения. Недавно один прохожий с таким вот отсутствующим лицом вдруг повернулся и пересек Невский проспект, не обращая внимания на поток машин, мчащихся в обе стороны: визг тормозов, ругань, бешеные гудки, а он идет сквозь эту катавасию, как слепой. Через десять минут, уже у Гостиного, так же поступил еще один человек. А буквально позавчера водитель маршрутки, в которой она возвращалась домой, вдруг ни с того ни с сего аккуратно притормозил у «зебры» – вылез из кабины и побрел куда-то по тротуару, даже не потрудившись захлопнуть за собой дверцу. Слова никому не сказал, но как-то всем в салоне стало понятно, что обратно он уже не вернется... Интернет пестрит подобными историями. Шофер фургона вдруг бросил его посередине шоссе. Работник банка вдруг встал со своего места и ушел домой, даже компьютер не выключил. Продавцы продовольственного магазина, все шесть человек, вдруг вообще не явились к его открытию... Считается, что это мозговой паралич, «синдром угасания», вызванный психогенетическими лучами. Уже появляются люди в металлических шлемах, похожих на рыцарские, в проволочных шапочках, чтобы защититься от них. Вот – тоже другие...

Отец тогда объяснял это обесцениванием труда. Сказал, что с появлением телевидения аналогичный феномен стал наблюдаться в государствах третьего мира. Когда граждане бедных стран узрели воочию, как живут в Европе и США, то многие из них поняли, что напрягайся – не напрягайся, хоть переломись пополам, так жить не будешь. Тогда зачем работать вообще? Кстати, движение дауншифтеров, это уже в богатых западных странах, когда человек вдруг бросает все, переезжает куда-нибудь «ближе к природе», отказывается от карьеры, начинает вести непритязательную, спокойную жизнь: семья, сад, рыбалка – явление того же порядка. Только здесь сравнение происходит не с зарубежными, а с собственными, европейскими и американскими, миллиардерами. Ну и, конечно, играет роль вот эта штука, которая висит сейчас над Землей...

Он ткнул пальцем в выпцветающее сентябрьское небо. Там, сквозь солнечную невнятную дымку ничего видно не было.

– Но они же вроде не вмешиваются в нашу жизнь, – сказала Лизетта. – А насчет всяких психогенетических излучений ты сам говорил, что это полная ерунда...

Отец причмокнул:

– Дело ведь не в прямом – инструментальном – воздействии, а в том, что звездолет арконцев сам по себе рассматривается подсознанием человечества как угроза. Представь, что над тахтой, где ты спишь, повесили гирю килограммов этак в шестнадцать. Конечно, закрепили ее надежно: на толстой стальной цепи, которая, в свою очередь, прочно принайтована к потолку, не оборвется, даже если ты сама повиснешь на ней. Физической опасности нет. Но сможешь ли ты, видя ее над собою, спокойно спать?

Лизетта представила себе эту картину: бр-р-р... И ей вроде бы стало понятно, почему ее иногда, как зимний воздух из форточки, прохватывает неожиданный страх. Ужасно хочется обернуться, будто за спиной у нее движется что-то опасное. Что-то рыхлое и бесформенное, но уже обретающее мерзкую плоть. И вот сейчас сфокусируется злоба зрачков, распахнется пасть, вытянутся хищные щупальца, обхватят ее мокрым холодом, чтобы утащить неизвестно куда... Но ведь не только это. С некоторых пор ей вообще кажется, что мир сейчас не такой, каким был всего год назад. Из него словно испарилась собственно жизнь. Вырожденное бытие, как по какому-то другому поводу сказал однажды отец: батарейка еще немного работает, слабенький ток течет, фигурки людей, благодаря этому, непрерывно перемещаются, но из движений их исчез прежний смысл, они хаотически тычутся то туда, то сюда, бесчувственно стучаясь друг о друга. Еще немного, и все это безнадежно замрет – она в одиночестве будет бродить среди пляшущих на нее, человеческих кукол.

Очень неприятное ощущение.

Как жить в таком мире?

Нет, жить в таком мире нельзя.

Из такого мира можно только бежать сломя голову.

Если, разумеется, есть куда.

У нее, к счастью, есть.

Вот почему Лизетта сидит сейчас на кухне, в квартире у Павлика, это через дом от нее, и терпеливо ждет, пока в смежной комнате закончатся сборы. Окно в кухне открыто, втекает снаружи сладко одуряющий зной, четвертый этаж, над подоконником чуть шелестят верхушки крупнолиственных тополей. Двор – в оконных расплывчатых бликах, отчего он кажется светлее, чем есть, а на детской площадке, в дальнем его конце, пузатый малыш пытается вскарабкаться на качели. Мать ему помогает, но он отталкивает ее руки: сам, сам, сам... На них, приподняв в полушаге переднюю лапу, взирает дворовый кот. Картинка необычайно яркая, и Лизетта вдруг понимает, что видит это в последний раз. Да, в последний раз, этого не будет уже никогда.

У нее сжимается сердце. Она вздрагивает и, чтобы скрыть волнение, посматривает на часы.

Около девяти утра.

– Хочешь чая? – сразу же приподнимается Павлик.

Чай он предлагает ей уже в пятый раз.

Лизетта едва удерживается, чтобы не ответить ему: хочу, чтобы ты замолчал. Павлик иногда ужасно ее раздражает. Целый год ходит за ней, как привязанный. Отец как-то сказал, что это инверсия гендерного репертуара. Тут сугубо биологическая основа: в мире животных самец в репродуктивный период демонстративно отказывается от доминирования и во всем, вплоть до поведенческих мелочей, подчиняется самке. Работает программа сопровождения – он следует за ней, куда бы она ни пошла. Работает программа демонстративной полезности – он всегда под рукой и готов помочь. Таким образом он доказывает, что способен обустроить совместную жизнь. Конечно, забавно звучит, но не следует забывать, что человек – суще-

ство не только социальное, но и природное. Нельзя абсолютизировать ни одну из этих сторон. Разве что у человека собственно «биология» подверглась интенсивной аккультурации: мужчина дарит цветы, клянется женщине в вечной любви, обещает достать с неба звезду, готов ради нее совершить любой идиотский поступок – ввязаться в драку или, скажем, прыгнуть в реку с моста. Биологическая основа сквозь эти культурные ритуалы практически не просматривается, и вместе с тем здесь наличествуют все те же брачные танцы, сложные и красивые, которые исполняют, например, журавли...

Он вдруг запнулся:

– Извини, я все время читаю тебе какие-то лекции. Занудство, наверное.

– Нет-нет! – воскликнула тогда Лизетта. – Напротив, мне очень интересно!.. Очень!..

А отец не слишком понятно сказал:

– Во многуй мудрости много печали. Кто умножает познания, умножает скорбь. – И через секунду как бы нехотя пояснил: – Это Экклезиаст.

Пришлось потом смотреть в интернете, что такое «экклезиаст»...

Между тем сборы, кажется, близки к завершению. Слышно, как Ираида Игнатъевна, мать Павлика, судорожно вздыхает и, сдерживая в себе тугой воздух, сипит:

– Ну ты дави, Зина, дави... Иначе не застегнуть...

– Я давлю, – покорно отвечает Зиновий Васильевич. Это его отец.

А Тетка, сестра Ираиды Игнатъевны, говорит:

– Подвинься, болезный, дай я навалюсь...

И сразу после этого раздается облегченное:

– Ух...

– Ну вот...

– Справились наконец...

А затем насмешливый голос дядь Леша:

– Ну и зачем эти муки? Ведь ясно же сказано: никаких вещей с собой брать нельзя.

– Ничего, протащим, – говорит Тетка.

– Кто протасит, ты?

– Да хоть бы и я.

– Ну-ну, я посмотрю...

– Раз вы с Зинкой забздели, мужики хреновы, придется самой.

И Тетка так это увесисто говорит, что становится ясно – она, конечно, протасит, хоть чемодан, хоть три чемодана, хоть на Станцию, хоть куда, хоть на Терру, хоть на Кассиопею. Сердце у Лизетты снова сжимается. Тем более что Тетка, не понижая голоса, вопрошает:

– И объясните мне, ради бога, зачем нам нужна эта фифа?

Под «фифой» она, конечно, подразумевает ее.

Лизетта слышит, как дядь Леша озадаченно крикает, как мать Павлика поспешно сдвигает что-то тяжелое, пытаясь с опозданием заглушить эти слова, как бормочет Зиновий Васильевич: «Ну, ты, мать, осторожней – того...» А сам Павлик громко и неестественно кашляет, со стуком переставляет чашки, краснеет чуть ли не до корней бледных волос и шепотом, не поднимая глаз, говорит:

– Не обращай внимания...

Лизетте его немного жалко. Ну ведь не виноват человек, что у него такая семья. Или все-таки виноват? Жалко, жалко его. Однако жалость – это еще не любовь. И вообще, не совершает ли она ошибку: если на Терре окажутся такие, как Тетка, там будет не лучше, чем на Земле.

Она стискивает кулаки, так что ногти впиваются в мякоть ладоней.

Нет, этого просто не может быть!

Нет, ни за что!

Мы не позволим, чтобы земная дурость проникла вместе с нами еще и туда.

Это будет совсем другой – новый, прекрасный мир.

И все равно, уверенности у нее нет.

Выскакивают две мяукающие ноты из телефона. Марусик напоминает о том, что сегодня в десять часов возле здания школы состоится акция «День Открытой Земли», которая охватывает полторы тысячи городов. Все наши уже подтвердились, ждем. А где ты? Куда-то пропала... Лизетта морщится – ну да, очередной дурацкий флешмоб: соберутся толпой, вытянут руки к небу и будут махать, как бы давая сигнал арконцам, что хотят с ними дружить.

Девичий инфантилизм.

Павлик показывает ей свой сотовый. Ему пришло точно такое же сообщение.

– Будем им отвечать?

– Не стоит...

– А попрощаться?

– Нет!

На кухню заглядывает Ираида Игнатьевна:

– Вы тут как? Мы вроде бы – все...

Дядь Леша ей в спину кричит:

– Еще пятнадцать минут. Сейчас – глянем новости.

– Это на кой хрен? – возмущается Тетка. – Поехали уже. Хорош время терять...

Вдруг наступает странная пауза, а потом дядь Леша коротко говорит:

– Ну-ка присядь.

– Да я... – начинает Тетка.

– Кресло видишь?

– И что?

– Вот: сядь туда и молчи.

Кресло грузно скрипит. Тетка, видимо, в самом деле усаживается в него. Ничего себе блям, отмечает Лизетта. А дядь Леша, оказывается, вовсе не прост. Неужели и Павлик такой же, как он, а я вижу его лишь сквозь «инверсию гендерного репертуара»?

Она с интересом смотрит на Павлика.

Тот как раз поднимается и слегка ей кивает: пошли.

Комната выглядит как после бандитского грабежа: ящики шкафа выдвинуты, в них матерчатыми цветными пластами проглядывает белье, одна из секций для одежды опустошена, зато на диване вздымается груда платьев, курток и шуб. Везде валяется скомканная бумага, пластиковые сумки, обрезки веревок, смятые полиэтиленовые мешки. И посреди этого пугающего разгрома, поставленный на попа, высится чудовищный чемодан, совершенно неподъемного вида.

Ну-ну. И как они собираются его тащить?

К тому же воздух в комнате напряжен. Он насыщен эмоциями выдернутых из обычной жизни людей. Кажется, чиркни спичкой, и он вспыхнет бледным огнем – сторит дотла, образуется пустота, в которой будет нечем дышать. Тетка, как новогодняя елка, увешанная побрякушками, уже сейчас судорожно, по-рыбы открывает и закрывает рот. Так же нервно вздыхает Ираида Игнатьевна, с потерянным видом топчущаяся у письменного стола. Она словно ищет что-то забытое и никак не может найти. И медленно, пытаясь, видимо, сохранить спокойствие, делает глубокий вдох, а затем выдох Зиновий Васильевич, сидящий как на допросе у следователя: руки на коленях, прямая спина, в глазах – тоска. Напряжения не чувствует, похоже, лишь один человек, неподвижный, примостившийся на стуле в углу. Зовут его, как уловила Лизетта, Чинок, и непонятно, что это – имя, фамилия или прозвище. Кажется, армейский товарищ дядь Леша. Правда, лучше бы уж он нервничал, как и все. Страшновато смотреть на его твердое, мертвое, как из застывшего парафина, лицо, на пластмассовые глаза, уставившиеся в одну точку. Кажется, что если Чинок вдруг попытается заговорить или, не дай бог, улыбнуться, то

парафин потрескается, ссыплется чешуей, с мелким шорохом и откроется чуть сплюснутый по бокам череп в белизне гладких костей.

Так может выглядеть зомби, живой мертвец.

Хотя возможно, что у Лизетты тоже – нервные глюки. Тем более что дядь Леша, тычуший пальцем в пульт, не поднимая лица, говорит:

– Слушай, Чинок, ты бы пока откатил эту хрень. Вообще – сядь в машину, присматривай, как там и что...

– Угум, – отвечает Чинок.

И ничего, парафин с него не сыплется.

Чемодан с глухим грохотом едет к дверям. От его колесиков остаются вдавленные следы на паркете. Ираида Игнатъевна, глядя на них, чуть ли не всхлипывает:

– Год назад всего постелили, и вот...

– Спокойно, Маш, я – Дубровский, – прерывает ее дядь Леша, щурясь на пульт. – Сойди с «мутного глаза», мешаешь...

– А куда?

– Вон туда...

Экран телевизора наконец загорается, и диктор, точно с нетерпением дожидавшийся этого, строгим голосом говорит, что «по сообщениям из различных источников, имеется большое число жертв с обеих сторон. Бои идут в непосредственной близости от арконской Станции, периметр которой части, верные Нуала Ндогу, действующему президенту страны, контролируют со вчерашнего дня. Зафиксированы прямые попадания в защитное поле. В район столкновений срочно выехала миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций. Напоминаем, что представитель арконской цивилизации еще три дня назад заявил: прием мигрантов на данной Станции временно прекращен. Он подчеркнул также, что Аркон по-прежнему придерживается принципа абсолютного невмешательства во внутренние дела Земли».

Изображения, сопровождающие закадровый текст, темные и расплывчатые. Снималось, видимо, ночью, к тому же картинка непрерывно подпрыгивает и дрожит. Можно различить только вскакивающие и падающие фигуры, мутные вспышки, разрывы, плавающие в воздухе звездочки сигнальных ракет. И вдруг ясный и четкий кадр – огненный осьминог, корчащийся на пленке: защитное поле Станции растворяет в себе попавший в него артиллерийский снаряд.

– Это где? – испуганно спрашивает Ираида Игнатъевна.

– Это в Африке, – не оборачиваясь, говорит дядь Леша и поманивает ладонью мечущийся экран. – Ну, давай-давай, родной... Ближе к делу... Давай!..

Словно повинувшись его призыву, картинка меняется. Теперь это город, широченный проспект, ближние новостройки с мощными, будто крепости, мрачноватыми, еще сталинскими домами. Трехэтажное здание с портиком, чуть сдвинутое газоном от мостовой, окружено, будто кляксой, плотной толпой. Видны транспаранты: «Предатели!», «Арконские крысы!», «Руки прочь от Земли!», «Вы же люди! Оставайтесь!», «Эта планета принадлежит только нам!»... Видна цепь полицейских, похожих в своем черном, стеклопластовом обмундировании на марсиан, виден лежащий на боку рогатый автобус, безобразно помятый, с выбитыми по всей длине стеклами, и другой автобус, еще на колесах, но тоже покореженный ударами в лоб.

– Разрастается инцидент в Санкт-Петербурге, – комментирует диктор, – где к гражданам города, уже третий день блокирующим эмиграционный пункт, присоединились жители Ленинградской области. Полиции пока не удается восстановить порядок. Во вчерашних столкновениях пострадали пять человек. Они госпитализированы. Дорожно-патрульная служба информирует петербуржцев, что проезд от центра по правой стороне Московского проспекта закрыт...

Камера смещается немного вперед, и становится видно, как из толпы в сторону трехэтажного особняка летят бутылки и камни.

– Сволочи! – с чувством говорит Тетка.

Дядь Леша тут же интересуется:

– Кто, те или эти?

– А все они сволочи, что здесь, что там – разницы никакой...

– Как же ты будешь *там* жить – если со сволочами?

Тетка машет рукой:

– А как жила здесь, так и там буду жить...

Лизетта думает: вот в том-то и дело. Тетка там будет жить точно так же, как здесь. И, наверное, не только она. Многие, оказавшись на Терре, впрягутся в лямки привычного муторного бытия. Спрашивается, зачем им лететь? Лизетта колеблется. Ей кажется, что выйти из квартиры – это пересечь невидимую черту, остротой лезвия отделяющую то, что было, от того, что есть. Ступить в иной мир, где все будет не так.

Она сама теперь станет иной.

Чувство это еще больше усиливается, когда они гуськом идут через двор. Солнечные блики, отражаясь от окон, бьют по глазам. Старухи на скамейке, приткнутой у парадной, комментируют их проход:

– Из четырнадцатой квартиры, намылились...

– На свой этот Уркон...

– Утекают?..

– Ну да...

– А вот если нашим ребятам про них сказать?..

Шуршат, как змеи, ядовитые голоса.

– Не оборачивайся, – шепчет Павлик, взяв ее под руку.

Кожа его чуть обжигает.

Он в первый раз – вот так – осмелился прикоснуться к ней.

Машина ждет их недалеко от ворот. С виду это – маршрутка, у нее за стеклом даже прикреплена, как положено, табличка с указанием адресов. Чинок уже сидит на месте рядом с водителем. Дядь Леша неторопливо устраивается за рулем и, подождав, пока все успокоятся, говорит:

– Значит так. Слушайте внимательно, повторять не буду. Если нас остановят – полиция там, патруль или блокпост, то объясняться с ними буду я сам. Остальные молчат. – Он обводит командирским взглядом салон. – Все поняли? – Отдельно спрашивает у Тетки: – Ты поняла?

Та невнятно бормочет:

– Да поняла, поняла...

– Ну тогда – все. – Дядь Леша кладет руки на руль. – Как там Гагарин сказал, «Поехали!».

Урчит мотор, дядь Леша отжимает сцепление, маршрутка осторожно переваливает с тротуара на проезжую часть, колеса соскакивают с поребрика, салон слегка вздрагивает, и Лизетте, прильнувшей к окну, кажется, что вместе с ним вздрагивает весь мир...

8

Андрон сидит, прижав ладони к коленям, и старается, чтобы вид у него был естественный. На самом деле это не просто. Внутреннее напряжение дает о себе знать. Конечно! В такие административные выси он еще не взлетал. На первый взгляд, кабинет самый обычный: полированный стол с круглой лампой, с календарем, с держателем для авторучек и карандашей, еще один столик сбоку, поменьше, на который водружен большой монитор, в углу – тумбочка, где поблескивает электрочайничек и несколько чашек, шторы на окнах, стандартный, из трех матовых дисков светильник на потолке. Ничего особенного. Разве что вместо ламината – пар-

кет, и разве что дверь, в которую он из приемной вошел, закрылась мягко и плотно, исключив какое-либо проникновение звуков изнутри и извне.

И все же чувствуется, что кабинет этот пропитан властью. Воздух здесь будто из электричества: вот-вот засверкают по всей шире его обжигающие, мелкие искры. Андрон, как и многие, знает, что это не простой кабинет. Именно сюда спускается президент, чтобы в тесном кругу, где можно разговаривать откровенно, обсудить назревшие стратегические вопросы. По слухам, именно здесь в напряженные дни присоединения Крыма, когда в Черное море выдвинулся для демонстрации силы американский военный эсминец, один из новейших имеющихся на вооружении США, обсуждался тяжелый вопрос: насколько далеко мы можем зайти в ответных действиях? Вот когда действительно полыхали электрические разряды. Вот когда жутковатый, сухой треск заглушал голоса. Мы не нападаем, мы защищаемся, сказал тогда президент. Он тер серые щеки, в складках отливающие желтизной. Набрякли под глазами мешки. В четыре часа утра вопрос был решен. Через сутки российский бомбардировщик СУ-24М имитировал на эсминец боевую атаку, одновременно вырубив на подлете всю корабельную электронику, после чего тот, ковыляя, покинул Черное море.

– Так в чем все-таки состоит главная трудность? – негромко спрашивает Скелетон.

Отвечать надо сразу, кратко и четко. Раздумья и длинные объяснения воспринимаются им как признак некомпетентности. Оргвыводы могут последовать незамедлительно. Никто не умеет так быстро и беспощадно избавляться от ненужных людей, как этот немногословный и очень сдержанный человек. Поэтому Андрон одним абзацем формулирует мысль: главная трудность переговоров заключается в том, что арконцы ни под каким видом не передадут нам своих технологий: разрыв знаний слишком велик, есть риск, что посыпятся целые секторы мировой экономики, мы просто не сможем выкарабкаться из-под обломков.

– А что там наш российский эксперт? – спрашивает Скелетон. – Он реально осознает, какая задача поставлена перед ним?

В руках у него появляется карандаш, и Скелетон начинает его тупым, круглым концом постукивать по полированной деревянной поверхности. Согласно «табличке жестов», которую Андрон недавно купил, это и не хорошо, и не плохо. Это просто состояние неопределенности. Постукивание означает, что Скелетон еще не пришел к какому-либо решению.

Если только табличка не врет.

– Профессор Коврин... Это ведь вы его рекомендовали.

В том смысле, что ответственность за рекомендацию несет тоже он.

Андрон опять очень коротко объясняет, что контроль над переговорами, в частности над каждой группой экспертов, с самого начала организован был таким образом, что никакую информацию, полученную от арконцев, скрыть невозможно. ДЕКОН за этим строго следит. Фиксируется каждый взгляд, каждое слово, протоколы тут же выкладываются в рабочую сеть Центра и непрерывно, в режиме онлайн, анализируются экспертным сообществом.

– Мы можем лишь по-своему интерпретировать то, что известно всем, – заключает он. – Аналогичным образом действуют и другие группы экспертов. Однако даже эту нашу собственную интерпретацию мы обязаны зарегистрировать в протоколе. Либо – держать ее при себе. Технической возможности передать информацию вне официальных каналов у нас нет.

Андрон недоумевает. Все это должно быть Скелетону известно не хуже, чем ему самому. Протоколы переговоров Скелетон, разумеется, не читает, но референты, несомненно, представляют ему соответствующие конспективные изложения. И со спецслужбами он данный вопрос, вероятно, уже не раз обсуждал. Так в чем же дело? Стоило ли ради этого его вызывать? Стоило ли десять часов лететь в самолете, чтобы на банальный вопрос дать такой же банальный ответ?

Между тем Скелетон костяными пальцами перехватывает карандаш и направляет его острие вперед.

Такой жест требует повышенного внимания.

Если опять-таки табличка не врет. Скелетону в ней уделено двадцать шесть строк. Президенту, кстати, немногим больше – тридцать одна. Не случайно шепчутся в кулуарах, что правит у нас не президент, а именно Скелетон. Президент соглашается с ним в восьми случаях из десяти.

Итак – Скелетон.

– Задача наших экспертов, – скрипучим голосом поясняет он, – заключается не только лишь в том, чтобы отстаивать на переговорах интересы всего человечества, чему мы, разумеется, будем неукоснительно следовать, но еще и в том, чтобы по мере возможностей отстаивать национальные интересы России. Мы не можем позволить, чтобы стратегические инновации, которые способны изменить весь облик Земли, присвоила и использовала какая-то одна из держав. Вам это понятно?

Недоумение у Андрон сменяется разочарованием. Так это что? Это обычная начальственная накачка? Они видят, что переговоры идут, а результаты работы – микроскопические. Они рассчитывали на чудо, которое, пролившись дождем изобилия, позволит им и дальше удерживать власть в стране. Но чуда, вопреки их надеждам, все нет и нет. Нет чуда, нет волшебного преобразования. Нет благодатного ливня, предвещающего спокойные, тучные годы, заслугу за которые можно было бы приписать себе. Напротив, понемногу становится только хуже. Паркет в кабинете чуть-чуть поскрипывал, когда Андрон шел по нему. И точно так же сейчас чуть-чуть поскрипывает все здание, вся страна. Он вспоминает, что недавно прочел статью, где говорилось, что Контакт с иным разумом – это испытание земной цивилизации на прочность. Проверке на излом подвергается все: мировоззрение, культура, экономика, геополитическая конфигурация. Причем относится это не только к цивилизации в целом, но и к каждому отдельному государству – к каждой нации, к каждому народу, к каждому человеку. Вся земная жизнь должна теперь измениться. А мы разве способны на это? У нас – вертикаль, жесткая конструкция власти, арматура, в принципе не подлежащая никаким изменениям. Она прочна, пока представляет собой монолит, но стоит треснуть хоть одной из опор, и начинается вот такое тихое, но опасное поскрипывание. Скелетон это поскрипывание уже слышит. И, вероятно, так же слышит его президент.

А больше всего они, видимо, опасаются, что Америка, которая технологически сейчас намного сильнее других, аккуратно, в тайне от всех выпиливает для себя из тех же переговоров некий важный фрагмент, и это уже в ближайшие годы даст ей реальную власть над миром. Вот страх, от которого их трясет по ночам, от которого прошибает пот и леденеют даже бесчувственные костяные пальцы. И что с этим делать? Ну ясно – вызвать непосредственного исполнителя и накачать его так, чтобы и того ледяной пот прошиб. И ведь действительно прошибает. Андрон чувствует, как у него стекает по сердцу омерзительный холодок. Сколько было потрачено сил, чтобы попасть в этот треклятый ДЕКОН. Сколько потребовалось перешептываний, интриг, обещаний (которые он вовсе не собирается выполнять, хотя кое-что выполнить все же придется), сколько было взято на себя обязательств, сколько было сделано суетливых телодвижений, чтобы втиснуться в лифт, стремительно движущийся вверх. Но попал он туда все же чисто случайно. Взмахнула крылами та пара страниц, которые еще в мае ему переслал Илья. И вот теперь этот лифт грозит обрушиться вниз. Пара полузабытых страниц его уже не спасет. Потому что кто окажется виноватым, что чуда не произошло? Что те двенадцать – четырнадцать человек, которые на самом деле управляют страной, лишь облизнутся при виде вкусного пирога, но сами от него не получают ни крошки? А это значит, что он, Андрон Лавенков, ссыплется в придонную слизь, в тину, в мелкий исполнительский бентос, где копошатся моллюски, ракообразные и червячки. И – уже навсегда.

– Да, я это понимаю, – отвечает он.

Он лишь надеется, что ненависть, переполняющая его сейчас, в голосе не слышна. Ненависть к идолу, демиургу, который движением высохшего мизинца может смахнуть его в склизкую черноту.

Отвратительное ощущение – чувствовать себя червячком.

Острие карандаша по-прежнему нацелено на него.

– У вас есть конкретные предложения?

Конкретных предложений у Андрона, разумеется, нет. Однако сознаваться в этом нельзя. Сознаться – значит, самому вычеркнуть себя из административного бытия. Поэтому, выждав для солидности пару мгновений, он отвечает, что конкретное предложение у него, разумеется, есть. Сейчас они вместе с профессором Ковриным как раз разрабатывают сюжет, на который пока никто внимания не обратил. Не вдаваясь в научную терминологию, можно сказать, что мы хотим сделать ставку на гуманизм.

Бесцветные брови у Скелетона на миллиметр сдвигаются вверх.

– Гуманизм?

Скелетон, кажется, удивлен.

Словно в кабинет залетел немыслимый здесь майский жук, стал гудеть над нашими головами.

Но ведь удивить – это почти победить. И Андрон, не торопясь, объясняет, что наши... э-э-э... политические партнеры... акцентируются в переговорах по большей части на технологических инновациях. А это, как давно стало ясным, тупик. Делиться с нами своими технологическими достижениями арконцы не станут. Мы же сейчас хотим сосредоточиться на инновациях гуманитарных, прежде всего – как сделать так, чтобы эффективнее, качественнее стал сам человек. Вот что может арконцев действительно заинтересовать. Гуманитарные инновации, собственно гуманизм – это, если так можно выразиться, их слабое место, то, что они ценят выше всего. Арконцев шокируют масштабы насилия на Земле. Они считают, что уровень его недопустимо высок. И если мы сумеем грамотно задействовать данный регистр, то вполне можем рассчитывать на их содержательное внимание. Полагаю, что через две недели проект будет готов...

Андрон и сам не очень хорошо понимает, о чем говорит, но надеется, что течение слов породит в конце концов некую мысль. Или, по крайней мере, видимость мысли, семантический призыв, который потом можно будет оформить в проект.

Сейчас главное – выиграть время.

Остаться в кабинке лифта, пока еще продвигающегося на верхние этажи.

Ведь не случайно же он оказался именно здесь.

В кабинете, где на острие простого карандаша сконцентрирована настоящая власть.

Вместе с тем он чувствует в себе тревожную пустоту и очень боится, что ее также почувствует и Скелетон. Ведь за словами, которые он произносит, ничего не стоит, а Скелетон как раз и славится тем, что, словно рентгеном, просвечивает каждого человека насквозь.

И вдруг карандаш, нацеленный на него, опускается.

– Проект? – переспрашивает Скелетон.

– Да, проект...

Две или три секунды в кабинете царит настороженная тишина, а затем Скелетон откидывается на спинку кресла и чуть-чуть приподнимает уголки бледных губ. Согласно той же табличке – высшая степень административного одобрения.

– Ну что ж, тогда через две недели я жду от вас соответствующий документ...

«Что я ему такого сказал? – думает Андрон, идя по длинному коридору. – Что я ему такого сказал, что он при всей своей легендарной выдержке изменился в лице? Ведь, если говорить откровенно, я ему, в общем-то, ничего не сказал: набор случайных фраз, формально сцепленных между собой».

Он жмет руки и отвечает на приветствия встречных. Коридор за эти минуты претерпевает поразительные изменения. Сюда Андрон шел – ни одна муха не прожужжала: пустота, эмаль белых дверей, хранящих государственные секреты. Теперь же двадцатый, наверное, человек, вынырнувший из кабинета как бы по делу, со значением в голосе сообщает, что рад его видеть. Сколько искренних, доброжелательных восклицаний, сколько торопливо протянутых дружеских рук. Они уже знают, думает Андрон, приветливо улыбаясь в ответ. Прошло тридцать секунд, не больше, а они уже знают, что Скелетон мою работу одобрил. Прямо какие-то излучения просачиваются сквозь стены. Какие-то бюрократические нейтрино, распространяющиеся со скоростью света.

И не то чтобы ему это не нравилось. Нет, на данном этапе – это громадный карьерный плюс. Это гарантия, что в ближайшее время он не слетит. И все же внутри у него что-то ноет, что-то побаливает, будто воткнулась туда заноза, выточенная из льда.

Андрон знает, что это надолго.

До тех пор, пока все не станет предельно ясным.

Вот только когда это произойдет?

«Так что же такое я Скелетону сказал? – думает он, направляясь к лестнице. Что я ему такое сказал, черт меня побери? Что я ему сказал? Ведь я же явно подкинул ему какую-то очень неплохую идею...»

9

«Инцидент первого дня», как он был назван впоследствии, до сих пор служит предметом ожесточенных дискуссий. Одни эксперты, видимо под впечатлением фильмов типа «День независимости», рассматривают его как прямую агрессию пришельцев против Земли. Дескать, арконцы сразу же попытались взять под контроль сознание большой группы людей, и не просто людей, а представителей властных и когнитивных элит, и через них навязать свою волю всем остальным. К счастью, им это не удалось. Земляне в подавляющем большинстве оказались устойчивыми к воздействию зомбирующего «психогенного поля». Зато теперь стали предельно ясны планы «галактических оккупантов» – они намерены превратить человечество в стадо покорных рабов.

Другие эксперты, напротив, считают, что это была лишь неудачная попытка тестирования. Арконцы попробовали таким образом выявить, насколько их психика совместима с психикой человека и можно ли на этой основе установить с людьми прямой (экстрасенсорный) контакт. Впрочем, в подтексте речь здесь тоже идет об агрессии, ведь тестирование, как оно было осуществлено, проводилось без ведома и разрешения реципиентов.

Обе точки зрения, хоть и были официально отвергнуты, но легли мрачной тенью на последующие события.

Сейчас трудно сказать, кому пришла в голову светлая мысль превратить первый раунд переговоров в торжественный и вдохновляющий церемониал, в общеземной Праздник Контакта между арконцами и людьми. Вероятно, здесь сработала компенсация за довольно-таки глупое стояние делегации Генеральной Ассамблеи ООН при посадке арконского модуля, когда к великому разочарованию всех, из него так никто и не вышел. (Арконцы в конце концов известили, что им необходимо время для адаптации к земной атмосфере.) Ну да это неважно. Подготовка к прибытию звездных гостей и без того была исключительно напряженной. Мы, и прежде всего наш Технический комитет, испытывали острейший дефицит времени. Согласно расчетам арконцев они должны были выйти на орбиту Земли всего через месяц после установления радиосвязи, и, кстати, группа физиков Массачусетского технологического института, исходя из расстояния от Земли до Марса, уже попыталась – в первом приближении, разумеется – нащупать возможные принципы движения инопланетного корабля. Я в физике мало что

понимаю, и потому в данную проблему вдаваться не буду, зато видел многое своими глазами, могу твердо сказать, что Технический комитет, отвечающий за материальную сторону подготовки, с первой же отмашки флажка работал в режиме непрекращающегося аврала. В зоне прибытия (пятьдесят километров от Напалеба) монтировались ячеистые, как соты, огромные геодезические купола, возводились корпуса трехэтажных гостиниц для экспертов и технического персонала, оборудовался мощный центр связи, накатывались асфальтовые дорожки, высаживались вдоль них пальмы и цветники, копались рвы, укладывались трубы и кабели, создавался в отдельном секторе обширный транспортный парк, бурились артезианские скважины для воды. Воды у нас вообще катастрофически не хватало. Та, что начали качать из водоносных пластов, имела какой-то специфический минеральный состав, пить ее без сложной очистки было нельзя, она использовалась только для технических нужд. Из Напалеба, где были пробиты скважины к другому пласту, ежедневно прибывал громадный автопоезд цистерн. Все равно норма выдачи питьевой воды ограничивалась лишь четырьмя литрами в день. На жизнь, в общем, хватало, но, как я понимаю, нервировало нашу администрацию тем, что в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств мы могли продержаться на аварийных запасах не более двух-трех суток.

Особое внимание, разумеется, уделялось самому сектору переговоров. Все две недели, прошедшие после посадки (и если бы не этот внезапный временной лаг, строительство не успели бы завершить), черный конус арконского модуля, первоначально едва высовывавшийся из песка, быстро рос и наконец превратился в гладкую сферу диаметром около девяноста метров и высотой около тридцати. Цвет его из зловеще черного стал серебристым, легким, будто отвердевший туман, а сам громадный бархан при этом исчез (физики говорили, что тут, наверное, работает «конвертер материи»). Так вот, по взаимному согласованию, метрах в пятидесяти от защитного поля, обозначенного яркой оранжевой полосой, был возведен шестигранный Павильон в виде ротонды: зеркальные, односторонние окна, кондиционеры, зал на семьдесят мест, начиненный аудио- и видеоаппаратурой. Чак Джабата (для меня к тому времени уже попросту Чак), профессиональный переговорщик, некоторое время работавший в ФБР (о чем меня тут же проинформировал Андрон Лавенков), объяснил, что это так называемый «показательный жест»: арконцы, видимо, изучили дипломатические протоколы Земли и таким образом демонстрируют нам равенство обеих сторон. Если бы они пригласили нас под Купол, к себе, то это выглядело бы как «побеждённые» являются к «победителю». Если же переговоры ведутся на земной территории – то есть, напротив, арконцы сами являются к нам, – то это означает, что они признают суверенитет Земли. Так что Павильон был возведен неспроста, и неспроста от Купола, точнее от границы защитного поля, была к нему пристроена округлая стеклянная галерея, по которой арконская делегация должна была каждый день проходить.

Ну что ж, может быть.

Профессионалам виднее.

Во всяком случае, в течение этих полутора полутора месяцев обстановка в Центре представляла собой настоящий строительный ад: все вокруг дико ревело, подрагивало, как при землетрясении, жутко бухало, взвизгивало, оглушительно грохотало, проползали тяжелые грузовики, вгрызались в оплывающие барханы бульдозеры, поворачивались монтажные краны, взмахивали зубчатыми пастями экскаваторы, то и дело приземлялись транспортные вертолеты, рычали бронетранспортеры, едущие неизвестно куда, трусой пробегали туда же солдаты, на каждом свободном метре, будто термиты, копошились рабочие в желтых светоотражающих куртках. Нигде шагу нельзя было ступить, чтобы не споткнуться о доску, кабель, перегородку, трубу или о какой-нибудь загадочный растопыренный механизм.

Мы, теперь имеется в виду команда международных экспертов, провели в этом аду почти три недели. Размещать нас, пускай даже временно, в Эр-Рияде оказалось рискованно: там как раз в эти дни начались масштабные столкновения демонстрантов с полицией, выросли на улицах баррикады, то и дело вспыхивала беспорядочная стрельба, счет пострадавших шел на

десятки, а по неофициальным данным на сотни гражданских лиц. Правительство объявило в стране чрезвычайное положение, но сбить репрессиями волну протестов не удалось. Нападеб же, ближайший к нам городок, для размещения нашей компании тоже совершенно не подходил: полсотни мелких строений, полузаброшенных, среди песков, никакого приемлемого жилья, никакой инфраструктуры. Неделю нам пришлось прожить в армейских палатках, каждая на шесть человек, воспоминания об этом, я думаю, сохранятся у меня на всю жизнь, и лишь в середине мая, когда уже навалилась жара, нас переселили в гостиничные корпуса, где еще полным ходом шли отделочные работы. Спать приходилось то под сверление, казалось, над самым ухом, то под упорное, с утра до утра, долбление стен, вдыхать то запах краски, то свежесмешанного бетона, то просто душную белесую пыль, висящую между стен.

Бытовые мелочи, впрочем, отходили на задний план. У нас, экспертов, был свой аврал, тоже не прекращающийся ни на секунду. Лавенков как-то обмолвился о «битве народов», которая вспыхнула во властных верхах, едва команду экспертов начали формировать: каждая из великих держав пыталась протолкнуть туда побольше своих. Аналогичная битва теперь вспыхнула и у нас. И если со структурой рабочих групп из четырех-пяти человек (так прошили арконцы) мы справились довольно легко, то ожесточенные разногласия вызвал вопрос о стратегии переговоров: что именно в результате их мы хотим получить. (Всё! – сразу же вскричал Пламен Дончев, как выяснилось, самый темпераментный среди нас.) Спичку к сухой щепе поднес Чак. Дождавшись, пока Пламик после своего восклицания перестанет довольно ржать, он спокойным голосом пояснил, что наша позиция на переговорах является очень слабой. Конечно, хорошо, что арконцы придерживаются внешнего, формального равноправия, но ни о каком содержательном равенстве и речи не может быть. Слишком уж различаются силы сторон. Слишком велик разрыв в уровнях цивилизационного бытия. И здесь же Чак сформулировал главную мысль: основная трудность для человечества заключается в том, что нам, в сущности, нечего предложить. У нас нет ничего, что могло бы арконцев заинтересовать. И потому базовая стратегия переговоров, если выразиться простыми словами, должна быть такой: брать, что дают, и непрерывно за это благодарить. Модель – детский сад, куда заглянула проверочная комиссия. Мы не должны надоедать взрослым людям своими капризами и нытьем. Мы не должны дергать их за полы одежд и клянчить всякую привлекательную мишуру. Нам следует наивно радоваться и лопотать, тогда есть надежда на горсть вкусных орешков, пряников или конфет.

Это выступление Чака вызвало катаклизм эмоций. Разумеется, руками никто не размахивал и никто, кроме Пламика, голоса не повышал. Сдержанность и корректность – одно из положительных качеств научной среды. Вместе с тем тут же хлынула такая лавина язвительных замечаний, сразу же возник вокруг Чака такой смысловой накал, что, казалось, его разъедают пары невидимой кислоты. Мне особенно врезалось в память высказывание Хаймы ван Брюгманс, профессора социологии из Амстердама и одновременно президента известной организации, отстаивающей права меньшинств, что «уважаемый доктор Джабата навязывает нам всем комплекс «хорошего негра», который белые американцы пытались внедрить в своем расовом обществе еще сто лет назад». Дескать, «хороший негр» заведомо признает белого человека неким высшим по отношению к себе существом, заведомо соглашается, что белый человек желает негру только добра и потому безоговорочно подчиняется ему, белому человеку, всегда и во всем. Своеобразная инвектива, особенно если учесть, что сам Чак, типичный афроамериканец, был чернее смолы.

Интересно, что в роли главного оппонента Чака неожиданно выступил я. Когда дискуссия двинулась по второму кругу, то есть по обыкновению всех дискуссий начала буксовать, я высказался в том духе, что, как ни странно, нам все-таки есть, что предложить нашим звездным гостям. Речь идет о глобальном гносеологическом кризисе, скромно заметил я и пояснил, что земная наука пока развивается исключительно экстенсивным путем: каждая разгаданная тайна

природы высвечивает две новые, которые опять-таки требуется разгадать. Фронт познания расширяется непрерывно. Пока явных границ ему вроде бы нет. Однако это не означает, что так будет всегда. Вселенная, разумеется, бесконечна, но не бесконечно разнообразна, сказал я. Она однородна и изотропна. (Именно так! – своим музыкальным голосом немедленно подтвердила Ай Динь. Она как астрофизик уже поняла, к чему я веду.) Для цивилизации, неизмеримо превосходящей земную, может в конце концов наступить тот час, когда основные законы мира будут прояснены. Тогда процесс познания из творческой деятельности превратится в рутину, в механическое накопление унылого «информационного вещества». Говоря проще, если при делении одной амебы образуются две, то принципиально нового организма не возникает: происходит количественный, но не качественный рост. Достижение гносеологического предела – вот с чем, скорее всего, столкнется любая высокоразвитая цивилизация. Между тем познание – имманентная функция мозга. Человек, хомо сапиенс, лишь постольку является человеком разумным, поскольку он способен учиться и познавать. То же самое, видимо, верно и для всякого разумного существа. Остановка познания приведет к острому системному кризису: гносеологическая энергия, наткнувшись на внешние ограничения, обратной волной хлынет внутрь и породит конфликт, который в границах данной цивилизации (или данной вселенной) будет неразрешим. Единственный выход из этого кризиса – найти другую вселенную. И такой вселенной, правда вселенной метафизической, является другая культура. Вот что человечество может вложить в межзвездный проект: другую вселенную, другую культуру, познавая которую, арконцы одновременно будут по-новому познавать и себя. Мы можем предложить им Вселенную смыслов, Вселенную художественных эмоций, которую, даже в первом – чисто культурологическом – приближении, будет не исчерпать.

Должен заметить, что речь моя возымела определенный эффект. Чак сразу же поднял обе ладони, как бы признавая: сдаюсь. Довольно быстро было выработано и то, что мы – все же после некоторых разногласий – назвали «стратегией ожидания». Это была стратегия медленного смыслового сближения, стратегия постановки вопросов, ответы на которые (или отказы от ответов на них) позволили бы нам судить и о технологическом уровне арконской цивилизации, и о том, чего они в действительности от нас хотят. По крайней мере, наметить примерные, рабочие контуры отношений. Интересно, что позже Чак мне честно признался, что именно этого он, в сущности, и стремился достичь: сразу же обозначить крайности и тем самым их избежать. С одной стороны, чтобы мы не ринулись навстречу арконцам с инфантильными криками «Давайте дружить!», а с другой, чтобы мы не считали их заведомыми врагами, ни одному слову которых верить нельзя.

Интересно, что первое, по его мнению, было даже опасней второго.

– Вспомни, – сказал он мне где-то дней через пять, – как в девяностые годы, когда в России рухнула тоталитарная власть, вы, распахнув объятия, ринулись к Западу именно с криком «Давайте дружить!». А дружить с вами никто не намеревался. Запад, то есть Европа и США, вообще не понимают, что такое «дружить». Они воспринимают лишь конвенциональные отношения: вот договор, его следует соблюдать. Отсюда – претензии и обиды обеих сторон, закономерны – через несколько лет переросшие в острый конфликт.

Это было в ночь «бунта экспертов». Мы сидели у Чака в номере, в пахнувшей краской гостинице, на втором этаже, к тому времени приведенном в божеский вид, Чак потягивал виски, я – привезенный с собой армянский коньяк. Присутствовала вся наша группа, которая уже была сформирована: и Дафна, время от времени странным тягучим взглядом посматривавшая на меня, и Ай Динь, похожая на воздушный цветок, в свою очередь, улыбающаяся каждому слову Чака, и полный нервного смятения Юсеф, в чьем желтоватом, истаявшем, будто от лихорадки, лице, казалось, проступала судьба. Юсеф только что произнес страстную речь перед собравшимися в конференц-зале экспертами и все еще пребывал в горячем ораторском возбуждении. Как я начинал понимать, он в таком состоянии пребывал всегда.

Собственно, мы все пребывали в таком состоянии. Все же бунт – не бунт, бунтом это было трудно назвать, но мы только что предъявили нашей администрации подлинный ультиматум, и никто не знал, каким будет его итог.

Неизвестность, неопределенность – вот что изматывает человека больше всего.

Чак в эту ночь успокаивал нас как мог. Сам он считал, что независимо от причины «бунта» мы поступаем правильно. Рано или поздно, мы такой ультиматум все равно должны были бы предъявить. Так почему бы этого не сделать сейчас, в самый благоприятный период, когда структура административного подчинения еще четко не определена. Конкретная причина протеста, говорил он, не столь уж важна. Гораздо важнее то, чтобы мы проявили себя как организованное смысловое сообщество, как самостоятельная единица, имеющая права, которые никто не может у нас отобрать. Если мы сразу же на этом не настаиваем, нас будут в дальнейшем рассматривать лишь как обслуживающий персонал, который должен без возражений исполнять любой административный приказ.

Аргументы его выглядели вполне логичными, но мне все же было как-то не по себе. Слишком уж неожиданно закрутился этот водоворот. Связан он был с мерами секретности и безопасности, которые с самого начала попытался установить наш Комитет. Мы, разумеется, понимали, что и то, и другое необходимо, пресса уже больше месяца вскипала самыми дикими предположениями, никому не хотелось, чтобы таблоиды, тем более «народные» электронные СМИ, обмусоливали едкой слюной каждый наш шаг. Определенные ограничения были естественны, и меня, например, нисколько не удивило, что сразу же по прибытии в Центр нас вежливо попросили сдать сотовые телефоны, вместо них выданы были другие, специальные аппараты, замкнутые исключительно на внутреннюю локальную сеть: выйти во внешний мир с них было нельзя. Связываться с родственниками, коллегами или с друзьями нам разрешалось через особый переговорный пункт, и кстати, хоть напрямую об этом объявлено не было, но как-то подразумевалось само собой, что наши разговоры будут прослушиваться, как будут прослушиваться и разговоры по локальной сети. Неприятно, конечно, но все же как бы в порядке вещей. И, между прочим, когда я, будучи еще в Эр-Рияде, позвонил оттуда домой, Анжела мне сообщила, что как раз вчера вечером к нам на квартиру приходили двое мужчин, представившихся сотрудниками ФСБ, и очень подробно расспрашивали ее обо мне, в том числе – не имеются ли у меня какие-нибудь психические или сексуальные отклонения.

– Вежливо так расспрашивали, почти три часа, записывали ответы на диктофон. Ну насчет отклонений я им ответила – один, который моложе, даже слегка покраснел!..

Я, конечно, попытался устроить Лавенкову скандал, но Андрон даже слушать не стал, скучно заметив:

– А ты чего ожидал? Взрослый же человек. Конечно, будут просвечивать и меня, и тебя. И всех, кто причастен к процедуре Контакта. Надеюсь, Анжелка твоя ничего не брякнула? Люди, склонные к маргинальному сексу, считаются ненадежными...

В конце концов я махнул рукой.

Но тут, в гостинице, все выглядело по-другому. Выяснилось, что во всех номерах смонтированы компактные видеокамеры. То есть наблюдать за нами будут круглые сутки. Обнаружил это, конечно, Юсеф, сам я на черный глазок, подсматривающий из угла, внимания не обратил. И вот, надо же – не поленился обойти все три этажа, через час в конференц-зале образовался стихийный митинг. Руками, замечу, опять-таки никто не размахивал и немедленно выйти на баррикады не призывал, но общее мнение было единым: мы не подопытные морские свинки, чтобы регистрировать и исследовать каждый наш шаг. У нас есть право на частную жизнь. Предложение немедленно начать забастовку было все же отклонено, но протест против видеонаблюдения подписали практически все.

– Ну-ну, – с иронией сказал Лавенков, заглянувший ко мне после митинга на пару минут. – Съест-то он съест, да кто ж ему даст.

Тем не менее с середины следующего дня видеокамеры из номеров начали убирать. Говорят, что на бурном заседании Комитета наш протест неожиданно поддержал сам Лорд, пригрозивший, что в противном случае подаст в отставку. Господину Петру Буреску с его «сигуранцей», координировавшему в Центре работу спецслужб, в этот раз пришлось отступить. В пузырении митинговых страстей, как-то запамятовалось, что номера наши могут еще и прослушиваться, но когда сообразили об этом, собирать второй митинг уже никто не хотел. К тому времени образовались у нас другие заботы. Первоначальный энтузиазм быстро угас. Тем более что обнаружить «жучки» можно было лишь с помощью специальной аппаратуры, которой мы, эксперты, естественно, не располагали. Пришлось положиться на честное слово господина Буреску, что никаких «жучков» в наших номерах нет.

«Ночь бунта» имела еще одно важное следствие. Она необыкновенно нас сплотила и сблизила. Я имею в виду прежде всего нашу группу. Ночи в пустыне вообще-то холодные, температура в гостинице, если учесть, что отопление еще не успели полностью запустить, стояла такая, что при дыхании заметен был пар изо рта. Сидели в куртках, джемперах, свитерах, грелись виски и коньяком – впрочем, последнее касалось лишь нас с Чаком. Зато Ай Динь заварил какой-то волшебный чай – согревал, буквально обволакивая гортань, один его пряный, травяной аромат. За окном горели прожектора, рычали и лязгали экскаваторы, выкапывающие на Стрите ямы для пальм. Настроение у всех было приподнятое. Обсуждали мы, разумеется, в первую очередь «бунт», но в подтексте сумбурного разговора звучало нечто иное. Нечто такое, что действовало на всех нас. Напрямую об этом слова никто не сказал, но, по-моему, мы все чувствовали, что попали в какой-то удивительный сон, в нездешнюю, преобразованную реальность, где, как в фокусе, сошлись векторы земных чаяний, и что отныне мы – это уже не просто мы, а облеченные доверием, полномочные представители человечества, что истекают последние минуты старого мира и что с нас начинается высокая миссия, которая изменит всю жизнь на Земле.

Это был, вероятно, лучший вечер из тех, что мы провели в Центре. Начало любого большого дела – всегда немножечко праздник. Помню, что ближе к концу чаепития я случайно глянул на Дафну, и она вдруг ответила взглядом, от которого меня бросило в жар. Так мы сидели, изучая друг друга, наверное, секунд пять. И если можно сказать что-то без слов, то это была именно такая безбуквенная и беззвучная речь. Пять секунд протекли, словно вся жизнь. А потом Дафна отвернулась, резко вздохнула и встряхнула ладонями, будто ссыпав с себя шелуху прежних дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.